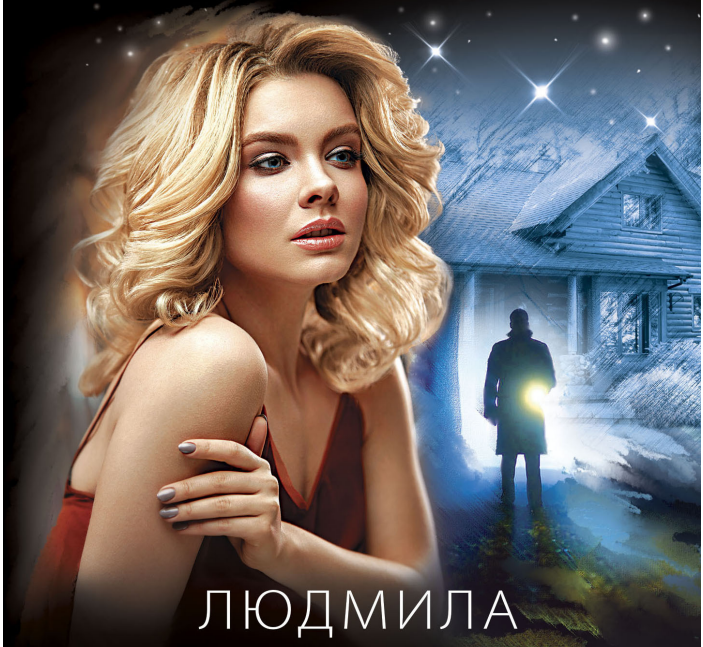
СМОТРИТЕ СЕРИАЛЫ
по детективам Людмилы Мартовой
на центральных телеканалах!



ЛЮДМИЛА
МАРТОВА

РАССВЕТ НАСТУПИТ НЕЗАМЕТНО

Людмила Мартова

Рассвет наступит незаметно

Серия «Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67647983
Рассвет наступит незаметно: Эксмо; М.; 2022
ISBN 978-5-04-169145-5

Аннотация

В тихом городке Малодвинске все помнят пугающую легенду о проклятии Варлаама – колокола, который сто лет назад разбили и отправили на переплавку. Тех, кто был причастен к этому, ждет кара: все обидчики Варлаама и их потомки должны погибнуть. Убийство Вики Угловской, последней из приговоренных, молва объясняет старинным проклятием, в которое, впрочем, верят не все. Андрей и Ксения совсем недавно приехали в Малодвинск и не склонны к мистике. Логично рассуждая и решительно действуя, они ищут не только убийцу Виктории, но и старинные сокровища…

Увлекательность, легкий стиль, узнаваемые женские образы, лирические отступления, в которых автор делится своими мыслями о жизни и любви, делая некие обобщения и давая читателю советы, – отличительные черты романов

Людмилы Мартовой. На фоне захватывающей детективной интриги автор в легкой доступной форме непринужденно разбирает непростые житейские ситуации, в которых может оказаться любая читательница, и ненавязчиво подсказывает пути выхода из них.

Людмила Мартова
Рассвет наступит незаметно

С последним ударом
колокола еще тише
тишина.
Мартин Хайдеггер

Все события вымышлены, любые совпадения случайны.

© Мартова Л., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2022

* * *

Райцентр, в котором Ксении предстояло жить какое-то время, неожиданно оказался похож на пряничный городок. Точнее, на зефирный, потому что жилые дома в один-два этажа, построенные еще в девятнадцатом веке, были белыми, розовыми, зелеными и голубыми.

Центральных улиц насчитывалось всего три, а поперечные, делящие город на аккуратные квадраты, обязательно начинались у реки и заканчивались у одной из церквей, которых Ксения за пару дней насчитала не менее восьми. Белоснежные, пронизывающие небо серебром и золотом купо-

лов, напоминающих пики крепко взбитого безе, они усиливали впечатление легкой сказочности, праздничности даже.

Городок был чистенький и аккуратный, с залатанными ямами на дорогах, где-то заасфальтированными, а где-то деревянными тротуарами, возникающими перед глазами то тут, то там памятниками и арт-объектами, построенными на деньги местных «купцов и меценатов», и современной широкой набережной, построенной, как объяснили местные, всего два года назад и оснащенной удобными скамейками, витыми фонарями и расставленными на каждом шагу урнами. Благодаря наличию последних на набережной было чисто.

Частные дома своевременно белились и подкрашивались руками заботливых хозяев, а ветхие строения стыдливо кутались в баннерную ткань, на которой руками неведомого художника был восстановлен их изначальный облик. Это был вклад в порядок и процветание, внесенный городскими властями. Ксении здесь нравилось, и это тоже оказалось неожиданностью.

Отправляясь сюда, в Малодвинск, она была готова к унылому существованию в пришедшем в окончательный упадок провинциальном городке, суть жизни в котором идеально описывалась старым, советским, очень любимым Ксенией фильмом «Безымянная звезда». «Если бы вы знали, какая здесь тоска, когда идет дождь», – говорила с неизбывной безнадежностью в голосе одна из героинь фильма.

То ли потому, что за несколько дней пребывания Ксении

в Малодвинске дождь не шел ни разу, то ли по причине того, что ее представления о жизни в уездном городе М. оказались бесповоротно устаревшими, но ей не было ни тоскливо, ни скучно, ни некомфортно. Конечно, бытовые условия, какими бы они ни оказались, ее заботили мало. Она ехала в Малодвинск не за удобствами. Ее целью было обустроить надежный тыл для Милы, единственной Ксениной дочери, принявшей сумасбродное и безрассудное решение бросить работу в расположенной в областном центре языковой гимназии и уехать в глушь.

Разумеется, решение родилось не на пустом месте и сподвижничества в нем не было ни на грамм. Просто после восьми лет отношений с молодым человеком, из которых три года пара даже прожила вместе, пусть и не торопясь регистрировать брак, но все-таки ведя, как это называла Ксенина мама, совместное хозяйство, Мила осталась одна.

Вместо официального предложения руки и сердца, которого вся их семья ждала с нетерпением, молодой человек собрал вещи и съехал к родителям, сообщив, что к семейной жизни не готов, от Милы устал, и вообще она – не та женщина, которую он видит матерью своих детей. Молодой человек ушел, а неприятный привкус от всей этой истории остался, и решение Милы полностью поменять жизнь скорее напоминало эвакуацию.

– Ты уверена, что хочешь все разрушить? – осторожно спросила Ксения у дочери, когда та сообщила, что уволи-

лась из гимназии и устроилась на работу учителем английского языка в среднюю школу города Малодвинска. – Мила, ни один мужчина не стоит наших слез, а уж таких жертв он не заслуживает тем более. У тебя престижная работа, ты на хорошем счету, и, в конце концов, областной центр – это, конечно, не столица, но возможностей для досуга тут все-таки гораздо больше, чем в заштатном уездном городишке, до которого пять часов езды. Там, к примеру, даже в театр не сходишь.

– Ну, положим, в театры я и здесь не хожу, – мрачно заметила Мила. – Во-первых, они сейчас закрыты, а во-вторых, ты же знаешь, я не люблю самодеятельность. Нет, мам, не отговаривай меня, я все решила. Я жила в полной уверенности, что знаю, что меня ждет впереди. У меня вся жизнь была расписана. Я возвращалась с работы, готовила ужин, ждала Антона, мы вместе смотрели кино или встречались с друзьями, я ждала вскоре свадьбу, планировала, как мы будем воспитывать детей и вместе доживем до глубокой старости, но оказалось, что все эти фантазии существовали исключительно в моей голове. Что ж, если моим иллюзиям было суждено рассыпаться в прах, то почему бы не разрушить до основания и все остальное, чтобы начать заново? Я не хочу ходить по улицам, вздрагивая оттого, что могу увидеть Антона или услышать его голос. Я уеду туда, где буду на сто процентов застрахована от случайной встречи.

– Такое чувство, что ты себя наказываешь ссылкой. Но

ведь ты ни в чем не виновата.

– Я виновата в том, что позволила другому человеку взять и стереть восемь лет моей жизни. Мне было девятнадцать, когда мы начали встречаться. Сейчас мне двадцать семь, и я нахожусь все в той же точке, с которой когда-то стартовали наши отношения. Незамужняя, бездетная, красивая, свободная. Более образованная и опытная, менее веселая и беззаботная. Вот и вся разница. Мама, в конце концов, разве ты в свое время поступила не точно так же?

Крыть было нечем. Ксения, выскочившая замуж, будучи студенткой Литературного института, и отхватившая очень перспективного мужа – будущего дипломата, сына атташе канадского посольства, тоже была уверена, что вся ее будущая жизнь видна как на ладони. В двадцать лет она родила Милу, отправленную на время к бабушке, чтобы дать молодым родителям возможность окончить институты, а получив диплом, уехала вместе с дочерью за мужем в Канаду.

С той же решительностью, с которой она осваивала чужую страну, заставляя принять там себя за свою, она вернулась на родину спустя десять лет, когда брак распался, изжив себя. Цепляться за возможность жить в Канаде самой или оставить там дочь она не стала. Да, Мила права, тогда ее гнало прочь именно нежелание ходить с бывшим мужем по одним улицам, дышать одним воздухом. Он ее предал, а этого Ксения Королева не прощала.

Она вернулась домой и начала все сначала, за пятнадцать

лет превратившись в одного из самых успешных российских переводчиков. Ее специализацией стали детективы, во-первых, потому, что Ксения их любила, а во-вторых, потому, что детективный жанр пользовался неизменным спросом: работы много, доходы стабильные. Да, пожалуй, она понимала, почему ее дочь решила уехать. Вот только, немного подумав, Ксения приняла решение ехать вместе с ней, хотя бы на первые пару месяцев, пока Мила не обживется на новом для нее месте.

Работать она могла в любой точке земного шара, семидесятилетние родители в помощи не нуждались, прекрасно справляясь вдвоем, да и благополучие единственной внучки их волновало гораздо больше, чем свое собственное. Так уж вышло, что, уезжая из родного города, кроме родителей, Ксения Королева никого в нем не оставляла.

После давнего предательства мужа она так и не научилась снова доверять мужчинам. Романы у нее, конечно, бывали, но терпеть чужую лень, или трусость, или безалаберность, или бесхозяйственность, далее шел длинный список мужских качеств, из которых можно было выбрать любое слово, она не хотела. Не считала нужным.

Сейчас, в сорок семь лет, Ксения пребывала в полной уверенности, что возможность романтических отношений для нее осталась в далеком прошлом. Вокруг было слишком много молодых, резвых, состоявшихся, умных и красивых женщин, готовых составить ей достойную конкуренцию. Бо-

лее того, одна из таких конкуренток была ее собственной дочерью, и, глядя на Милу, Ксения отчетливо понимала, что шансов нет. Ни единого. Да и ладно. Не больно-то и хотелось.

В ее устоявшейся повседневности не находилось места мужчинам с их проблемами и той сумятице, которую любой роман неминуемо привносил в жизнь. Зато присутствовали новые книги, работа над переводами, неспешное течение будней, любимые родители, не требующие особой заботы, драгоценная дочь, которой сейчас было плохо. Отправившись вместе с Милой в Малодвинск, Ксения могла снять с ее плеч хотя бы малую толику забот и на первых порах избавить свою девочку от одиночества в незнакомом городе. Значит, решено, она тоже едет.

Двухкомнатная квартира, которую в качестве служебного жилья выделили новой учительнице, занимала половину небольшого деревянного домика со всеми удобствами на улице Чехова, практически в самом центре. Крыльцо выходило в небольшой, довольно запущенный, тенистый сад, где росли яблони, рябины, кусты сирени и шиповника. Дом принадлежал школе, и вторая его половина стояла пустая, предназначенная для учителя химии, которого пока так и не нашли. В доме и саду было тихо, и Ксению с Милой это вполне устраивало.

Дочь переехала в Малодвинск две недели назад и уже довольно хорошо освоилась в маленьком городке, знакомя теперь с ним мать. Ксения, задержавшаяся из-за поездки в

московское издательство, которую откладывала с начала лета, приехала всего три дня назад и все никак не могла привыкнуть к пряничным улицам и зефирно-сливочным домам, а также неспешному, немного сонному укладу вкупе с доброжелательным любопытством местных жителей.

До начала учебного года оставалось две недели с небольшим, и дочь была решительно настроена войти в новый коллектив, подготовить все необходимые пособия, а также обойти семьи «своих» детей – ей вменили в обязанность и классное руководство. Что ж, надо привыкать к тому, что большую часть дня Ксении придется проводить время в чужом городе в одиночестве. Правда, работу никто не отменял, перевод нового детектива она должна сдать не позднее чем через два месяца. Книга была со шпионским уклоном, по крайней мере главный ее герой был отставным разведчиком, против своей воли втянутым в доморощенное детективное расследование.

Шпионские разборки Ксения не любила, предпочитая психологические триллеры, поэтому всю книгу целиком читать не стала, решила, что в этот раз будет переводить постранично, только в конце сделав литературную обработку текста. Иногда, когда книга захватывала ее целиком, она глотала ее за пару ночей и приступала к переводу, уже зная, как будут развиваться события. Но этот сюжет, судя по аннотации, для нее интереса не представлял. Жаль, конечно, но что поделать, работа есть работа.

Хлопнула входная дверь, заставив Ксению оторваться от экрана ноутбука и бросить взгляд на часы. Без четверти пять, Мила вернулась с работы. Выйдя в прихожую, Ксения с нежностью смотрела на дочь, стаскивающую с ног кроссовки.

– Привет, Милка, как рабочий день?

– Все хорошо, – дочь пристроила на тумбочку рюкзак, сунула ноги в тапочки и поцеловала мать в щеку. – Директриса так рада, что у нее теперь есть учитель английского, что при любом удобном случае готова меня расцеловать. Остальные, конечно, относятся ко мне по-прежнему настороженно, потому что не понимают, откуда я свалилась на их голову, но держатся в рамочках. Все очень вежливы и корректны. А дальше видно будет. Нет, он все-таки очень красивый.

– Кто красивый? – не поняла Ксения. Ее дочь отличалась стремительностью мысли, а потому уследить за ходом ее рассуждений иногда бывало трудновато. – Кто-то из учителей? Скажем, физрук, трудовик или математик?

– Физрука зовут Ольга Константиновна, – отрапортовала Мила. – Ей около сорока и выглядит она соответственно возрасту и профессии.

– Нахалка, – пробурчала Ксения, которая любые намеки на возраст воспринимала болезненно. – Твоей матери сорок семь.

– Моя мать – красавица, а не учитель физкультуры, – безапелляционно сообщила Мила и снова поцеловала Ксению. – Всем математикам, то есть, разумеется, математичкам, креп-

ко за шестьдесят, а учителя труда зовут Василий Игнатьевич, он в прошлом году вышел на пенсию, но я его пока не видела, потому что, как болтают злые языки, он пребывает в запое. А красивый – наш сосед. Мам, ты что, не помнишь, я же тебе рассказывала.

Действительно, в первый же вечер дочь ей все уши прожужжала о том, что в соседнем доме живет какой-то потрясающий мужик. К этой информации Ксения отнеслась скептически, потому что никому потрясающему в Малодвинске взяться было совершенно неоткуда. Но в целом восторженность дочери вызывала у нее тревогу. После расставания с Антоном Мила находилась не в самом лучшем состоянии, и новая привязанность, возникшая по принципу «клин клином вышибают», сулила немало бед.

– Припоминаю, – уклончиво сказала Ксения и перевела разговор на другое: – Есть будешь? Я картошку поджарила. Ты знаешь, я с детства такой вкусной картошки не ела.

– Мамочка, в городе она из супермаркета, а тут от соседки, тети Стеши. Со своего огорода, не на химических удобрениях, а на натуральном навозе, потому и вкусная.

– Милка, ты-то откуда можешь про навоз знать? – Ксения не выдержала, рассмеялась. Ее дочь была типичным городским ребенком, даже дачи в их семье никогда не было.

– Мам, не забывай, что я здесь уже третью неделю и в твое отсутствие была единственной жертвой пристального внимания соседей. Правда, не всех, – на этих словах Мила вздохну-

ла. Видимо, тот самый неведомый Ксении красивый сосед не проявлял к ее дочери должного внимания. Слава богу! – Тетя Стеша взяла надо мной своеобразное шефство, снабдила картошкой, капустой, помидорами и целой корзиной огурцов. А заодно задала сто пятьдесят вопросов о том, кто я и откуда. Давай свою картошку, потому что пахнет ужасно вкусно. Мне только позвонить надо.

– Звони, я пока погрею. – Ксения прошла в кухню, повязала фартук, встала к плите, радуясь, что все идет именно так, как она задумала. Ради этого – стоять у плиты и кормить вернувшегося с работы ребенка – она и приехала в Малодвинск.

Сменившая строгий рабочий костюм на джинсы и свитерок Мила протиснулась на маленький угловой диванчик, оставшийся на кухне от прошлых хозяев, с удовлетворением осмотрела накрытый стол, на котором стояли миска с маринованными помидорами, плошка с малосольными огурцами, блюдце с квашеной капустой и корзинка с нарезанным черным хлебом. Его пекли в местной пекарне, и был он таким вкусным, что в первый же вечер Ксения съела зараз полбуханки и только после этого опомнилась.

Она поставила перед Милой тарелку, полную жареной картошки, затем положила себе, существенно меньше, с учетом возраста, требовавшего определенных ограничений, села напротив, с легкой улыбкой глядя на то, с каким аппетитом ест дочь.

– Ты чего такая озабоченная?

Внутреннее состояние Милы она считывала легко, с самого детства чувствуя ту незримую нить, которая часто возникает между матерью и дочерью. Сейчас ее девочка была чем-то обеспокоена.

– Вика на занятие не пришла и трубку не берет.

– Вика?

– Мам, ты меня что, вообще не слушаешь? Про соседа не помнишь, про Вику тоже… Я тебе рассказывала, что, пока в первые дни ночевала в гостинице, познакомилась с девушкой. Она студентка в местном колледже туризма, пока учится, подрабатывает горничной, но мечтает о карьере, поэтому, узнав, что я преподаю английский, попросила меня с ней позаниматься. У них же тут под туризм все заточено, иностранцы бывают, с языком больше шансов на хорошую зарплату.

– И ты, разумеется, согласилась помочь, – с улыбкой сказала Ксения. – Бесплатно.

– Мам, ну откуда у нее деньги. – Мила смотрела с упреком, словно меркантильность матери ее удивляла. – Вика сирота, ей и так несладко приходится, но она рук не опускает, учится, работает, тянется к чему-то. Это стремление поддерживать надо и да, помогать, по мере возможности. Мне нетрудно, тем более что она очень старается.

– Так я ж не против. – Ксении внезапно стало стыдно. – Занимайся со своей Викой на здоровье. Если хочешь, я мо-

гу присоединиться. У тебя сейчас уроки начнутся, будешь в школе допоздна, а я сама себе хозяйка.

– Ой, мамочка, это было бы чудесно. Твой английский ничуть не хуже моего.

– Вот поганка, – Ксения засмеялась.

Ее дочь, уехавшая в Канаду в трехлетнем возрасте, естественно, говорила на английском как на втором родном языке, а для Ксении он был все-таки иностранным, хоть и владела она им на продвинутом уровне профессионального переводчика.

– В общем, я охотно позанимаюсь с твоей Викой, чтобы освободить тебя от дополнительной нагрузки. Если она захочет, конечно. С учетом, что она не пришла на занятие и даже не перезвонила, ее усердие вызывает у меня сомнение. Милка, ешь давай, все остынет.

– Я ем-ем, очень вкусно, – проговорила Мила шепеляво, потому что рот ее был занят горячей картошкой. – Мам, а все-таки здорово, что ты решила поехать со мной. Я ужасно тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю. – Голос Ксении предательски дрогнул. Она вообще была «быстрослезка», как называла это ее мама, слишком сентиментальная и в любой момент готовая расчувствоваться. – Милка, возможно, ты мне сейчас и не поверишь, но у нас с тобой все обязательно будет хорошо.

– Я в этом и не сомневаюсь, – уверенно сообщила дочь. – Поэтому и уехала в Малодвинск. Мамочка, чтобы впустить

в свою жизнь что-то новое, сначала нужно освободить место от старого. Именно это я и сделала.

– Городок, конечно, чудесный, – осторожно сказала Ксения. – Признаю, что моей пессимизм по поводу твоего переезда был не совсем оправдан. Но все-таки связывать с ним новую страницу в жизни я бы не стала. Мил, мне не кажется, что ты сочтешь местный круг общения, скажем так, интересным. Вот если бы в Москву переехала, я бы тебя поняла. Это город возможностей. Но Малодвинск…

– Мама, никогда не замечала в тебе снобизма. Люди везде одинаковые, и счастье может поджидать прямо за поворотом. Вот выйдешь ты из дома, завернешь за угол и встретишь там свою судьбу. И в Малодвинске это может случиться с той же вероятностью, что и в Москве. Судьба, знаешь ли, не зависит от географии.

– Я надеюсь, ты сейчас не про соседа, – мрачно пошутила Ксения. – Ладно, Милка, мое счастье заключается исключительно в тебе. В твоем спокойствии и хорошем настроении. Так что в моем случае картинка за окном точно не имеет никакого значения. Тебе положить еще картошки?

* * *

Этой ночью заснуть опять не удалось. Впрочем, бессонница, даже такая изнурительная, как нынешняя, не вызывала в нем ни раздражения, ни горечи. Что-что, а чувства он умел

держать под контролем надежно, сохраняя одинаковую работоспособность, концентрацию и настроение. Андрей Погодин никогда не боролся с тем, что нельзя изменить. Причины его бессонницы были понятны, снимать ее таблетками он не хотел, потому что седативные препараты туманили разум, и хотя здесь и сейчас, в Малодвинске, он впервые за долгие годы вполне мог себе позволить впасть в беспамятство, въевшаяся в кровь привычка не позволяла ему утратить контроль над ситуацией. И над собой. Уж лучше не спать. Рано или поздно организм устанет настолько, что вырубится без всякой химии.

Даже самому себе он не признавался, что не дает себе расслабиться, потому что чувствует неведомую опасность. Ее приближение он ощущал, что называется, спинным мозгом. Это было на уровне инстинктов, тренируемых годами. Опасность крылась в случайном отпечатке следа, найденном после дождя в саду, в неясных тенях, которых он нечаянно шуганул два дня назад, выгнанный на крыльцо бессонницей и тоской по Линн и детям. То есть по Алине и детям.

Сюда, в этот дом, он привозил Алину только однажды, тридцать лет назад, незадолго до свадьбы, чтобы познакомить невесту с бабушкой, которая тогда была еще жива. Так уж получилось, что ее он тогда видел в последний раз. Как он помнил, она тогда все порывалась что-то ему рассказать, то ли семейную легенду, то ли просто какую-то историю из далекого прошлого.

Он не слушал, потому что в двадцать лет, особенно когда ты влюблен, тебя не интересуют никакие легенды, да и прошлого не существует в принципе. Не то что сейчас, в пятьдесят, когда былое, как огромный кит, всосало практически всю твою жизнь, в последний момент выплюнув из своей осклизлой пасти тебя самого и оставив лежать без сна в ночной тьме, обессиленно вглядываясь в деревянный потолок, единственное, что у тебя осталось в настоящем.

В потолке тоже крылась опасность, потому что как минимум однажды там, на чердаке, кто-то ходил. Шаги, легкие, еле слышные, он уловил сквозь поверхностный сон, в который тогда провалился, и, вынырнув из него, поднялся на чердак, прихватив фонарь и оставшийся из прошлой жизни нож – настоящий «Смит и Вессон», предназначенный для американских подразделений спецназа.

Нож был подарком одного из сокурсников по Гарварду, и, разумеется, он никогда не носил его с собой. И только здесь, в Малодвинске, начал, чувствуя опасность и кляня себя за малодушие и «дамские истерики», к коим никогда не был склонен. На чердаке, разумеется, никого не оказалось, кроме большого черного кота, который теперь жил с ним, хотя бы немного разбавляя просачивающийся из углов дома туман одиночества.

А еще Андрей обнаружил слежку. Это было совсем уж дико, потому что он был точно уверен в том, что наблюдать за ним тут никто не может. Любая слежка не имела ни ма-

лейшего смысла, тем более в Малодвинске, городке его детства, в котором часть людей помнила его кудрявым светловолосым пацаненком, а часть не знала вовсе. И тем не менее за ним следили. Неожиданным филером оказалась поселившаяся пару недель назад по соседству молодая, довольно симпатичная женщина, то и дело сталкивающаяся с ним на улице.

Невзначай Погодин навел справки и всерьез задумался. Женщина оказалась внезапно приехавшей в местную школу из областного центра учительницей английского языка.

– Два года надеялись, что нам учителя найдут, – рассказывала Андрею «случайно» встреченная им на улице Мария Арнольдовна, его бывшая классная руководительница и учительница математики. – Никто не соглашался. Еще бы. Жить в глуши на служебной квартире, чтобы учить детей за копейки, кто ж захочет. Директор наш, Леночка Крылова, твоя одноклассница, ты должен помнить ее, Андрюша, уж отчаялась совсем. И тут звонят из облоно, то есть из Департамента образования, конечно, вечно я эти названия путаю, и говорят: «Встречайте, едет к вам англичанка». Мы прямо ушам своим не поверили. Но нет, оказалось, это правда. И такая девочка чудесная, до этого в специализированной гимназии преподавала.

Появление в Малодвинске «англичанки» из специализированной гимназии именно в тот момент, когда сюда приехал и Андрей, не нравилось ему категорически. И то, что он

все время натыкался на эту «чудесную девочку», стоило ему только выйти из дома, не могло быть простым совпадением. Интересно, кто она и что ей надо.

На прикроватной тумбочке сработал будильник. Старый, еще бабушкин, он издавал такой грохот, что тахикардия начиналась. Хлопнув по двум металлическим сферам, венчавшим творение советских часовщиков, Погодин заставил будильник заткнуться и рывком выбросил свое тело из кровати. Терзавшая его бессонница не имела никакого отношения к распорядку дня, предусматривавшему ранний подъем.

Турник на улице был тот же, что и в детстве. Вставить в уши наушники. Выбрать на телефоне нужный плей-лист. Сделать для разогрева мышц несколько наклонов и круговых движений руками, ногами и корпусом. Подтянуться двадцать пять раз. Простоять в планке, пока длится только что начавшаяся песня. Выбор музыки рандомный, а значит, стоять придется сколько повезет. Может быть, две с половиной минуты, а может, и четыре.

В плей-листе была композиция исполнителя под именем KidWise, называлась она «Океан» и длилась семь минут. Андрею она нравилась, потому что задевала в душе какие-то неведомые струны, но когда она выпадала во время утренней гимнастики, он внутренне содрогался, потому что, когда стоишь в планке, становится не до пустяков.

Вот и сегодня к началу седьмой минуты пот заливал глаза, мелко и противно дрожали плечи, начали неметь локти,

прессу стало горячо-горячо, как будто ровно под животом развели костер, налился тяжестью затылок.

The more you care
The more you dare
The more you go inside my head
See the waves that rise and fall
In the ocean I won't let you fall
Again.

До проигрыша, разумеется музыкального, за которым, хвала небесам, следовал конец композиции, оставалось секунд тридцать.

– А это не вредно? Так долго стоять в планке.

Женский голос раздавался откуда-то сверху, его обладательницу изнемогающий от титанического физического усилия Андрей не видел. Правда, послышался какой-то шорох, и перед его носом появились женские ноги, вставленные в аккуратные белые кроссовки. С носа скатилась капля пота и тюкнула одну из них. Кажется, левую.

Сдавшись перед неизбежным, Погодин согнул руки, аккуратно опустился на живот, быстро перевернулся, вскочил на ноги, вытащил из ушей наушники, требовательно глядя на обладательницу кроссовок. Ну да, он не ошибся. Чудесная девочка. Again. То есть снова.

– Прошу прощения…

Чуть вопросительная интонация и безукоризненная веж-

ливость были сейчас более чем уместны. В нем говорило не хорошее воспитание, а только выучка, школа. Там, где его учили, знали толк в том, как поставить собеседника в неловкую ситуацию. Девчонка таки занервничала, затеребила тесьму от капюшона на своем худи.

– Извините, я не хотела вам мешать.

– И тем не менее это у вас получилось. – Он вовсе не собирался ее жалеть. – Могу я поинтересоваться, что вы делаете у меня в саду?

– Сад у нас общий, – она своенравно закусила губу, видимо не желая сдаваться без боя. – Я живу в соседнем доме и, как и вы, вышла на утреннюю зарядку.

– И как давно это у вас?

– Что именно?

– Любовь к зарядке. Простите, но поклонницей ежедневных физических упражнений вы не выглядите.

– Вы хамите? – с подозрением в голосе спросила девчонка.

На вид ей было лет двадцать пять – тридцать. Скорее молодая женщина, чем девочка, но Погодина никогда не интересовали старлетки. Да и хлопот с ними не оберешься.

– Нет. – Ему вдруг стало интересно, что она будет делать дальше. Его односложные ответы не оставляли возможности для маневра.

– Разрешите представиться, меня зовут Камилла Эрнандес. – Свою неожиданную тягу к утренней гимнастике она решила оставить без объяснения, явно ожидая эффекта, вы-

званного ее действительно необычным именем. Особенно для Малодвинска.

– Погодин. Андрей Михайлович, – он снова замолчал, следуя все той же выбранной тактике. Этой девице было что-то от него надо, вот пусть и выкручивается, выискивая тему для продолжения диалога.

– Вы тут живете? Я имею в виду, постоянно? – Что ж, в упорстве ей не откажешь.

– Нет.

В конце концов, кто бы ее ни подослал, подозрения этих людей стоило усыпить, поэтому Андрей, немного помолчав, все-таки принял решение дать более развернутый ответ:

– Приехал сюда в отпуск. Я родился и вырос в Малодвинске, но много лет его не навещал. Вот, решил вспомнить детство.

– Теперь понятно.

– Что именно? – Андрей «зеркалил» девчонку, ее речь и манеру вести диалог. От этого, он видел, она терялась все больше.

– Вы не похожи на жителя Малодвинска.

– То же самое можно сказать о вас.

– Я действительно не местная. Приехала работать в школе, преподавать английский язык.

– Да, у детей в российской глубинке реальные проблемы с языками. Как правило, их преподаватели сами ими не вла-

деют, так что научить разговорной речи не могут. Максимум таблице времен глагола. Present Perfect, Past simple, и вот это вот все…

В глазах у нее мелькнуло какое-то непонятное выражение.

– А вы, я вижу, разбираетесь.

– Исключительно в рамках школьного курса. Во времена моей юности с учителем английского в Малодвинске уже были проблемы.

– Значит, моим ученикам повезет больше, чем вам. – Она пожала плечами. – Я наполовину канадка. Я там выросла, поэтому английский – мой второй родной язык. Present Perfect, Past simple, и вот это вот все…

Опачки. Вот это было уже совсем интересно и вовсе не понятно. Во-первых, дилетантом она не была и «зеркалить» тоже умела. Во-вторых, Канада… Нет, это не может быть простым совпадением. В случайности Андрей Погодин давно не верил.

– Вас зовут Камилла, вы наполовину канадка и будете учить местных оболтусов английскому языку, потому что именно так понимаете свое призвание. Считайте, что я принял эту информацию к сведению, – сухо сказал он. – А теперь, с вашего позволения, я, пожалуй, вернусь к своим упражнениям.

Она немного подумала, словно взвешивая, обижаться или нет на то, что он, пусть и вежливо, но все-таки решил от нее отделаться.

– Да, конечно, – девица предпочла не обижаться. – Вы, если захотите, можете вечером прийти к нам в гости. Мы с мамой будем вам рады. Раз вы приехали после долгого отсутствия, то у вас, как и у нас, нет тут никаких знакомых.

– Всенепременно. – Ни в какие гости Андрей, разумеется, не собирался, но и в том, что новая атака на него будет предпринята в ближайшее время, не сомневался. Еще и мама. Значит, их двое. Или больше? Он был уверен, что рано или поздно обязательно в этом разберется.

– Тогда я пошла?

– Всего доброго.

Она снова закусила губу и отправилась восвояси. Даже про «физкультурную» легенду позабыла. На лице ее отпечаталась явная досада, как будто Камилла Эрнандес осталась недовольна состоявшейся беседой и ее результатами. Нет, а что ты хотела, девочка? Погодин внутренне усмехнулся. Тренировать вести диалог его начали тогда, когда она и на свет-то, похоже, не родилась. И все-таки, кто ее прислал? И зачем?

– Ондрюшко, ты тут ли? Я молоко принесла. И шаньги напекла. С картошкой сегодня. Горячие. Иди-ко поешь, – по дорожке, ведущей в сад с улицы, деловито семенила тетя Стеша, бойкая семидесятипятилетняя старушка, в далеком прошлом бывшая подружкой погодинской мамы и теперь взявшая над Андреем своеобразное шефство.

По крайней мере, свежее молоко с рынка, а также выра-

щенные на огороде овощи и домашние пироги Андрей получал от нее исправно. Взамен пришлось вспомнить юношеские навыки и починить прохудившийся забор, купить новый электрический насос взамен сгоревшего (перематывать мотор старого Погодин отказался наотрез), а также выслушать пару историй из маминой и тети-Стешиной молодости. Не такая уж и большая цена за еду, какой Погодин не ел лет тридцать и вкусовые качества которой, оказывается, успел основательно подзабыть.

– Иду, тетя Стеша! – прокричал он. – Спасибо.

Подойдя к крыльцу, он взял из рук стоящей там женщины литровую банку с молоком. Он и не думал, что такими еще кто-то пользуется, но тут, в Малодвинске, жизнь словно застыла в нескольких десятилетиях назад, или это машина времени забросила Погодина в прошлое, и он просто не понимает, что каждое утро снова просыпается безусым юнцом, у которого впереди целая жизнь. Шанежки, лежащие на старой, щербатой фаянсовой тарелке и заботливо укутанные полотенцем с вышитыми на нем петухами, он взял тоже. Даже сквозь полотенце от тарелки поднимался умопомрачительный дух.

– Заходите в дом, – сказал Андрей чуть лицемерно, – чужих людей в своем жилище он не переносил на физическом уровне, но сейчас собирался снять с ничего не подозревающей тети Стеши информацию о двух женщинах, так своевременно поселившихся по соседству. – Вместе чаю попьем. Я

прекрасный чай привез.

– Индийский? – со знанием дела спросила тетя Стеша. – Или китайский?

Чай был кенийский, редкого сорта, очень дорогой, но говорить про это тете Стеше Погодин не собирался.

– Хороший, – уклончиво сказал он.

– Хорошего я бы попила, – сказала пожилая женщина с сожалением, смешно делая ударение на первом слоге – по`пила, вот как у нее получалось. – Но некогда мне, Ондрюшко, надо бежать – Вику искать. Николай Петрович с утра позвонил, волнуется, что она уж два дня не приходила, и дозвониться до нее не может, вот ведь незадача. Загуляла, что ли, девка? Так на нее не похоже. Хоть бы до беды-то не дошло, хотя откуда ей взяться, беде-то?

С точки зрения Погодина, поток произносимых тетей Стешей слов напоминал несвязный бред. Какая Вика пропала? Куда она должна была прийти? Кто такой Николай Петрович и почему он волнуется? Впрочем, уточнять все это Андрей не собирался. Чужие дела, включая возможные беды, его не касались.

– Ладно, тетя Стеша. Тогда чай в следующий раз с меня. За шанежки спасибо.

– На здоровье, сынок. Побегла я.

Позавтракав шанежками с молоком, именно так, как приучила в детстве бабушка, Андрей принял душ, переоделся в рабочую одежду и отправился чинить забор. За тот месяц,

который он провел в Малодвинске, он уже перечинил в доме все, что требовало мужских рук после долгих лет отсутствия настоящего хозяина. Движимый какой-то дурацкой ностальгией по детству, которую он давным-давно запретил себе испытывать, он даже восстановил лестницу для кота.

Это бабушка когда-то придумала – вырезать в оконном стекле круглую дырку, вставить туда кусок широкой трубы, а снаружи приладить к отверстию деревянную лесенку, по которой живущий в доме кот мог бы спускаться на улицу и возвращаться обратно, не мяукая истошно на крыльце.

Лестница для кота была достопримечательностью их городка, на которую ходили смотреть приезжие. За те годы, что в доме никто не жил, она развалилась, оставив только дырку в стекле, которую чьи-то добрые руки забили фанеркой. После того как Погодин нашел на чердаке приблудного черного кота, он принял решение восстановить лестницу, чтобы пришелец мог приходить и уходить, когда ему вздумается. Туристы теперь ходили к дому толпами, подолгу стояли под окном, дожидаясь, пока кот появится в окне и вальяжно спустится по лесенке, однако усатый-хвостатый проявлял характер и в аттракционе принципиально не участвовал.

Из всех дел по хозяйству по истечении месяца оставался только забор, и Погодин начал задумываться о том, чем станет заниматься дальше, когда и эта затея останется позади. Сидеть сложа руки он физически не мог, не умел, а делать в Малодвинске ему было совершенно нечего.

Тук-тук-тук. Стук его молотка равномерно разносился по округе. Руки были заняты, а голова свободна, и больше всего на свете Андрею хотелось отделить ее от плеч и спрятать на хранение в один из полных нафталина сундуков, хранящихся в подвале. Впервые в жизни голова ему мешала. Пожалуй, он понимал, почему Линн так и не смогла привыкнуть к новому образу, не жизни, нет, мысли. То есть не Линн, Алина.

Тук-тук-тук.

– Простите, вы ведь Андрей Погодин?

От калитки шел мужчина лет на десять старше Андрея. Признаться, Погодин удивился, увидев его, потому что не было ни одной причины, по которой у его скромного жилища должен был оказаться один из «отцов города». Собираясь на родину, Андрей, естественно, искал информацию, чтобы прикинуть, к чему стоит быть готовым. Город Малодвинск держали три крупных бизнесмена, негласно поделив между собой сферы влияния, не переходя друг другу дорогу и объединяясь для совместных благотворительных проектов.

У одного из них был лесной бизнес, у второго – колхоз, несколько ферм и перерабатывающие заводы, мясной и молочный. Третий, курирующий всю туристическую отрасль, включая гостиницы, рестораны и пополам с государством развивающий проект «В гостях у сказки», стоял сейчас перед Андреем Погодиным. Неожиданно, потому что где он, и где сказка…

– Да, это я, – вежливо сказал Андрей и отложил молоток. –

Здравствуйте, Олег Иванович.

– Вижу, вы знаете, кто я.

Погодин усмехнулся.

– В Малодвинске вас все знают. Чем могу помочь?

– Андрей…

– Михайлович.

Рамки диалога Погодин всегда выстраивал заранее. Переходить на панибратство, даже с весьма уважаемым человеком, – значит поставить себя на ступеньку ниже. Это неправильно.

– Андрей Михайлович, я обратился к вам по рекомендации нашего общего знакомого, – тут он назвал фамилию, заставившую Погодина сдержанно кивнуть. Этот человек, один из немногих, знал о Погодине правду, и именно по его совету он уже месяц бил баклуши в Малодвинске в ожидании нового назначения. – Он бывал в наших местах на охоте и иногда, скажем так, консультирует меня по некоторым особенно важным вопросам. Видите ли, я попал в затруднительное положение, которое может быть чревато достаточно серьезными неприятностями. Наш общий друг сказал, что вы умеете щелкать подобные задачки и сможете мне помочь.

– В качестве кого? Наш общий друг сказал вам, кто я?

– Он счел достаточным сообщить, что вы серьезный финансовый аналитик, который ушел в длительный отпуск по семейным обстоятельствам.

Ну да, примерно так все и было.

– Ваша проблема носит финансовый характер?

– Не совсем, хотя, конечно, ситуация в целом связана с очень большими деньгами. Наш знакомый сказал, что у вас прекрасно развитые аналитические способности в целом и что вам, простите, скучно, поэтому, возможно, вы согласитесь решить мою проблему. Разумеется, конфиденциально и не бесплатно.

Пожалуй, в том, чтобы заделаться специалистом по особым поручениям, крылась определенная ирония. Вот только в одном его московский патрон был прав: Андрею Погодину было смертельно скучно.

– Вот что, Олег Иванович, – сказал он, приняв решение, – давайте пройдем в дом, и там вы мне все расскажете.

В доме под ноги кинулся невесть откуда материализовавшийся черный кот, видимо, когда никто не видит, все-таки пользующийся построенной для него лестницей в окно. И кенийский чай оказался кстати. Заваривая его, Погодин исподволь наблюдал за расположившимся у окна гостем. Тот был обеспокоен, но не на нервах. По крайней мере, в доме у Погодина он чувствовал себя в безопасности. Ладно, одно очко в его пользу. Закончив священнодействовать с чаем, Андрей перенес на стол маленький поднос, на котором стояли две чашки, чайник, небольшой молочник, сахарница, стаканчик с кусковым тростниковым сахаром и блюдечко с лимоном. Это был своеобразный тест, разумеется.

Его визави налил чай только в одну чашку, свою, щедро

насыпал туда три ложки сахарного песка, кинул кусок лимона, потянулся к плетенке с сушками, которая стояла на столе. Погодин едва заметно улыбнулся. Себе он тоже налил чаю, причем не полную чашку, сахар класть не стал, плеснул немного молока, однако на все эти манипуляции гость не обратил ни малейшего внимания. Ладно, так и запишем.

– Итак, что у вас случилось?

– У меня пропали бумаги. Очень важные документы, касающиеся строительства в Малодвинске аэропорта.

– Что?

– Вы про это не знаете? Понимаете, наш город в последние годы развивается как туристический центр. «В гостях у сказки», слышали?

– Краем уха, – признался Андрей. – Кажется, это территория, на которой построены различные дома персонажей из русских народных сказок, где детей и взрослых развлекают за вполне даже реальные, а вовсе не сказочные деньги. Дом Щуки, дом Колобка, дом Золотой рыбки, терем Несмеяны и все такое.

– Да-да, у нас много интерактивных программ для детей и взрослых, и все это помножьте на прекрасный сервис, гостевые дома и отель уровня четыре звезды, отличные рестораны, охраняемую парковку, спа-комплекс, бассейн. Все, что нужно для качественного отдыха. К нам приезжают и с детьми, и компаниями, и для уединения тоже. То, что касается обслуживания, принадлежит мне. То, что касается раз-

влекательной части проекта, спонсируется государством. Сами знаете, как сложно у нас в стране играть с государством в азартные игры, так что приходится быть очень осторожным.

Этого Погодин как раз не знал, поэтому слушал внимательно. Он умел так слушать, чтобы поступающая информация моментально укладывалась в голове на отведенное специально для нее место, откуда ее можно было извлечь в любой нужный момент.

– Для увеличения туристического потока было решено построить аэропорт, – продолжал гость. – Разумеется, это государственные инвестиции, заказ будет очень выгодный, и за право выиграть конкурс на проектирование и строительство битва развернется нешуточная. Скажем так, в этом вопросе мне обещаны некоторые преференции. Если вы понимаете, о чем я.

Погодин понимал.

– Есть папка с документами, в которой заранее прописаны детали, позволяющие выстроить техническое задание под конкретного заказчика. Если они попадут в руки конкурентов, это сулит большие проблемы. И именно эта папка пропала. Сообщить об этом в полицию я, разумеется, не могу.

– Когда и при каких обстоятельствах исчезли документы?

– Они пропали из моего офиса в гостинице. Мой рабочий кабинет находится на первом этаже отеля «Северное сияние». Папка лежала там на столе. Возможно, я не сразу ее хватился, потому что несколько дней не было нужды обра-

щаться к этим бумагам. Вчера мне понадобилось посмотреть кое-что, и я обнаружил, что документы пропали.

– Какие действия вы предприняли?

– Осмотрел ящики стола, сейф, весь кабинет. Спросил у службы безопасности на входе, кто заходил в офис в мое отсутствие.

– И кто же?

– Только сотрудники офиса. Мой заместитель, помощник, секретарь. Из посторонних только горничная, которая убирает и офис тоже.

– Камер в кабинете нет? Вы не можете посмотреть, кто что делал? Впрочем, ответ очевиден, иначе бы вы ко мне не пришли.

– Да. Камер нет. Андрей Михайлович, в определенных кругах со мной работают потому, что я серьезный человек, от которого не может быть подставы. Если эти документы попадут к конкурентам, это еще полбеды, они просто ими воспользуются, и я потеряю заказ. Это всего-навсего деньги. А вот если они всплывут где-то еще, то это уже потеря репутации, а вслед за этим и крах бизнеса.

За те годы, что Андрей был далеко, в стране мало что поменялось. Большой бизнес по-прежнему находился в одной связке с государством, и вне этой системы заработать серьезные деньги было невозможно, максимум «мелочь по карманам тырить». Что ж, следовало признать, что проблемы у сидящего напротив Олега Ивановича намечались действитель-

но серьезные.

– Вы поговорили с горничной?

– В том-то все и дело, что не смог. В субботу у нее была смена, в воскресенье и вчера выходной. Я послал помощника к ней домой, но ее там не оказалось. Он приезжал неоднократно, в последний раз остался ждать у дома, но напрасно. Девушка ночевать не вернулась. И это мне ужасно не нравится.

– Вы считаете, что она сбежала из дома с вашими бумагами, понимая, что вы обнаружите их исчезновение и подумаете именно на нее?

– Я не знаю, что думать. За кражу папки не заплатят столько, чтобы хватило начать новую жизнь. Но, с другой стороны, девчушка сирота, в Малодвинске ее ничто не держит, а на какое-то время на полученные деньги продержаться в другом городе можно.

– Ладно, Олег Иванович, разберемся. Вы вот что, напишите мне имя горничной и ее адрес, а я постараюсь что-нибудь разузнать. И телефон свой оставьте. Вот вам бумага и ручка. Когда у меня будет информация, я вам позвоню.

– Я ваш телефон узнать не смог, – в голосе гостя прозвучало что-то похожее на уважение. – Даже у нашего общего друга. Именно поэтому мне пришлось явиться к вам без предупреждения.

– Никакого секрета, – Андрей вдруг улыбнулся, широко, от души. Его номер телефона действительно не являлся тай-

ной, просто ему некому было звонить. – Держите, я написал вам номер.

– Спасибо. Вот, я тоже отметил все, что вы просили. Андрей Михайлович, когда я могу ждать результата?

– Понятия не имею. – Погодин пожал плечами. – Если бы я это знал, то работал бы в бюро прогнозов.

– А где вы работаете?

Андрей смотрел не мигая, легкая улыбка блуждала по губам. Под его взглядом гость смутился, удивился этому и смутился еще больше.

– Я пойду, Андрей Михайлович. Дел много. Держите меня в курсе.

– Обязательно.

Он проводил Олега Ивановича до двери, вернулся в комнату и взял со стола небольшой бумажный четырехугольник, на котором гость размашистым почерком написал номер своего мобильного телефона, адрес и имя горничной – Виктория Угловская.

Перед глазами встала тетя Стеша – изборожденное морщинами лицо много и трудно работающей женщины, цветастое платье, натруженные руки, чуть изогнутые под тяжестью веса колени, открытый, добрый взгляд. «Побегла я Вику искать. Николай Петрович с утра позвонил, волнуется, что она два дня не приходила, и дозвониться до нее не может, вот ведь незадача. Загуляла, что ли, девка? Так на нее не похоже». Так говорила соседка, объясняя свой отказ зай-

ти на чай. Тогда Погодин не придал ее словам ни малейшего значения, но сейчас отчетливо их вспомнил.

Некий Николай Петрович волновался, что пропала девушка Вика. А Олег Васин, один из хозяев Малодвинска, сообщил, что пропала горничная гостиницы Виктория Угловская. И это вряд ли было простым совпадением. Убрав со стола последствия чаепития, Погодин сменил рабочую одежду на приличествующие выходу в город джинсы и майку и вышел из дома.

* * *

Проводив дочь на работу, Ксения села за компьютер, но перевод не шел. Милка с утра почему-то пребывала в дурном расположении духа и в школу убежала, даже не поцеловав мать, что было у нее проявлением высшей степени раздражения. Беда с девкой, и не помочь ничем. Ксения вздохнула. Пожалуй, надо сходить прогуляться.

Накануне она работала полночи, погрузившись в текст, который страницы с пятнадцатой вдруг оказался вполне себе ничего. Пожалуй, не будет ничего страшного, если она немного пройдется, чтобы сбросить с себя легкую одурь, вызванную недосыпом.

Одним из несомненных плюсов жизни в Малодвинске была возможность не краситься. Все равно ее тут никто не знает, какая разница, как именно она выглядит. Расчесав воло-

сы, Ксения собрала их в хвост, критично оглядела в зеркале все еще стройную фигурку в джинсах и футболке с алыми маками на груди, вставила ноги в красные балетки. Все, к прогулке готова.

Она не умела ходить по улицам без заранее составленного маршрута, поэтому план у нее был: дойти до набережной, сделать крюк через городской сад, послушать там колокола, которые, как она знала, в полдень устраивали так называемый будничный звон, разносящийся далеко над рекой. Затем можно зайти в симпатичную кофейню, купить там свежие круассаны и заскочить к Милке в школу. Уроков пока нет, так что почему бы и не накормить ее вкусненьким, а потом вернуться домой и сесть за работу. Да, решено, именно так она и сделает.

Выйдя из дома, Ксения решила пойти сегодня к набережной другой дорогой. Она делала так иногда, полагая, что это позволяет лучше изучить город, в котором она очутилась по воле судьбы. Проходные дворы и тропинки всегда были ее слабостью, и глубинное знакомство с любым городом Ксения Королева начинала с этого.

Ее сегодняшний путь проходил мимо стоящего по соседству одноэтажного деревянного дома, довольно добротного, с красивыми резными наличниками на окнах и, тут Ксения глазам своим не поверила, с приделанной к стене лестницей, которая отходила из вставленной в окно металлической трубы и спускалась вниз, не доходя до земли сантиметров со-

рок. Это явно был персональный путепровод для кота.

Кто бы ни был владельцем этого дома, он побеспокоился о том, чтобы его домашний питомец мог в любое время беспрепятственно покидать жилище и возвращаться в него. Такая забота Ксении импонировала, хотя кошек она не любила. Внезапно ей ужасно захотелось посмотреть на пушистое существо, ради которого хозяева так заморочились с изготовлением сооружения. Глянув на часы и отметив, что до колокольного звона еще больше получаса, она остановилась и уставилась в окно. Интересно, там кот или кошка?

– Если вы ждете явления Пирата народу, то зря. Он терпеть не может цирковые представления, – услышала она и подпрыгнула от неожиданности. Секунду назад на улице никого не было. – Или ваше любопытство вызвано чем-то еще?

Рядом с Ксенией стоял довольно высокий мужчина, на первый взгляд чуть постарше ее. Начинающие седеть на висках волосы были густыми и кудрявыми, а лицо благородным и, как принято говорить, породистым: прямой нос, голубые глаза, отливающие сейчас синевой под цвет футболки, прямые плечи, накачанные руки, живот без положенной уже к таким годам «трудовой мозоли», крепкие ноги, обтянутые чистыми, довольно дорогими джинсами. Хм, какой-то нездешний элемент, в Малодвинске такие не водятся.

Кажется, мужчина терпеливо ждал ее ответа. Взгляд его был внимательным и отчего-то недоброжелательным, как будто он был заранее уверен, что Ксения сделала что-то пло-

хое. Никакой вины она за собой не чувствовала, поэтому едва заметно пожала плечами.

– Я так понимаю, что Пират – это ваш кот, – сказала она, скорее из природной вежливости, чем из желания вступать в диалог. – Да, мне было интересно посмотреть, как он пользуется этим приспособлением. Остроумно, я никогда такого не видела.

– Мой кот не появляется на подоконнике, когда перед окном кто-то торчит, – сообщил мужчина, и в этот момент, обесценивая его слова, с той стороны стекла появился упомянутый кот – большой, черный. Уселся поудобнее, широко зевнул и уставился на Ксению, словно в ожидании, что это она ему что-то покажет.

– Кажется, ваш кот не подчиняется установленным вами правилам, – язвительно сообщила Ксения, – или просто о них не догадывается. Как бы то ни было, мое любопытство удовлетворено. Всего доброго. А идея сделать лестницу действительно замечательная. У вас окно высоко от земли, а так безопаснее.

Она пошла прочь, чувствуя, как чужой взгляд прожигает ей спину. И чего он так забеспокоился оттого, что она подсматривает в окна? Можно подумать, что он там кого-то или что-то прячет. Ксения прошла с полквартала, как вдруг снова остановилась от внезапной мысли. Скорее всего, встреченный ею незнакомец и был тем самым красивым соседом, о котором ей все уши прожужжала Милка. Ну да, так

оно и есть. Во-первых, этот мужчина действительно мог понравиться ее взыскательной дочери, а во-вторых, вряд ли в окрестностях их дома можно было отыскать второй подобный экземпляр. И первый-то обнаружить сродни волшебству. Впрочем, подобные чудеса к Ксении не имели никакого отношения.

Отправившись дальше по намеченному маршруту, она успела к центральному городскому собору как раз к тому времени, когда забили колокола. Почему-то именно здесь, в Малодвинске, ее брал за душу колокольный звон, в большом городе оставлявший ее совершенно равнодушной. Звук плыл над рекой, разносясь на всю округу, и Ксения вдруг задумалась над тем, насколько далеко его слышно. Невольно она произнесла свой вопрос вслух.

– Так ить сейчас кто проверять будет, – услышала она и скосила глаза. Рядом стояла бабуля в платочке, маленькая, согбенная жизнью, классическая старушка из российской глубинки, которой с одинаковой легкостью можно было дать и шестьдесят лет, и девяносто. – Но одно точно, в Кощеевке слыхать, а это по реке километров пятнадцать.

– Так далеко?

– Так рази ж это далеко, дочка, – усмехнулась старушка. – Вот Варлаам, тот до Вычегодска было слышно, а это с семьдесят километров будет. Правда, только по лету, зимой чуть меньше.

– Почему же зимой меньше? – полюбопытствовала Кс-

ния. – И кто такой Варлаам?

Старушка посмотрела на нее с сожалением, как смотрят на убогую.

– Вода звук лучше передает, потому в летнее время над рекой звон дальше разносится. А Варлаам – это колокол, который на нашем главном соборе установлен был. Храм безбожники разрушили, ни кирпичика же не оставили. А на его колокольне двадцать три колокола было. Вот до того, как храм взорвать, все вниз сбросили, так они и раскололись сразу. А Варлаам, тот весом в полторы тысячи пудов был. В храме-то к тому моменту уже музей давно был, вот его сотрудники собрание провели и петицию подписали, чтобы колокол сохранить. Но специальная комиссия постановила, что Варлаам особой ценности как памятник старины и искусства не имеет и подлежит передаче «Рудметаллторгу». В нем вся внутренняя сторона сусальным золотом была покрыта, еще бы ценность такая.

Ксения неожиданно для самой себя заинтересовалась рассказом старушки.

– И что дальше было?

– А что было? Я-то ясное дело тогда еще на свет не родилась, но мамка мне сказывала, как собралась на площади перед собором толпа, почитай все жители Малодвинска пришли, от мала до велика. Вот на их глазах Варлаама вниз скинули, а он при падении с высоты не раскололся, остался на земле лежать, упал вообще без повреждений. Это пятого

января было, и, почитай, целый месяц его ломали: нагревали огнем, потом забрасывали снегом, чтобы его от перепада температур рвало на куски. А их уж в переплавку увозили. Вот как, доча.

Отчего-то Ксении стало до слез жаль никогда не виденный ею колокол, как будто он и впрямь был живым существом. Звон затих, куда-то подевалась старушка, и Ксения двинулась дальше – за круассанами, которые придумала отнести Миле на работу. В школьном здании пахло краской и кипела жизнь: мыли окна, носили по коридорам парты и стулья, куда-то тащили связки книг, видимо новые учебники.

Дочь Ксения нашла в кабинете английского языка, где Мила с озабоченным лицом сидела за столом, держа у уха телефон.

– Нет, я не понимаю, куда она делась, – сообщила она, ничуть не удивившись неожиданному приходу матери. Видимо, правда находилась в крайней степени волнения. – Может, уже пора в полицию обратиться, как ты думаешь?

– Кто?

– Вика. Девушка, с которой я занимаюсь английским. Ну мам, я же тебе вчера рассказывала.

– Я помню, – успокоила ее Ксения. – Милка, ну какая полиция. Мало ли куда могла подеваться эта девушка. Она же не должна перед тобой отчитываться, почему пропустила занятие.

– Конечно, не должна. Но она не берет трубку.

– Мила, остановись. Не надо никуда ходить и ничего делать. Через пару дней твоя Вика найдется, вот увидишь. На, лучше попей чаю с круассанами и угости коллег, я специально купила побольше, чтобы ты могла налаживать отношения с новым коллективом.

– Спасибо, мамочка. Ты у меня самая лучшая. Пойдем в учительскую, я тебя познакомлю.

– Ты ж учительница, а не маменькина дочка, – с улыбкой подколола ее Ксения. – Иди сама, а я вернусь домой, меня перевод ждет. Несмотря на то что Малодвинск меня каким-то странным образом расслабляет, работать все-таки нужно.

– У тебя всю ночь свет горел…

– Да, этот шпион в детективе оказался способен заинтересовать, – Ксения засмеялась. – Вот уж никогда не думала, что подобная литература может меня задеть как читателя. Но писатель очень неплох. Умеет выстроить интригу, думаю, что книгу ждет успех на нашем рынке, а это значит, что издательство решит перевести и остальные романы этого автора. Тем лучше, есть ради чего стараться.

Вместе они пошли по коридору, ведущему к учительской. Рядом располагалась лестница, по которой Ксении надо было спуститься вниз, к выходу. Улыбнувшись дочери на прощание, она шагнула на первую ступеньку, но была остановлена Милой.

– Мама…

– Что?

– Ты не могла бы по дороге домой зайти в гостиницу «Северное сияние»?

– Мила, насколько я успела изучить местную географию, это не по дороге, а, наоборот, совсем в другую сторону. – Ее дочь была упорной и никогда не сдавалась сразу. Это качество в своей девочке Ксения ценила, вот только иногда оно выводило из себя до крайности.

– Мамочка, но тут пешком минут десять, не больше. Просто я пока не могу уйти, потому что, хотя уроков и нет, рабочий день все-таки есть. Дойди до гостиницы и найди Вику, пожалуйста. На нее это не похоже, и я беспокоюсь.

– Хорошо, я дойду до твоей Вики, которая наверняка скажет мне, что просто передумала заниматься английским языком, – засмеялась Ксения, – господи, Милка, и в кого ты у меня такая упертая?

– Как в кого? В тебя, разумеется, – дежурно удивилась дочь, хотя в глазах ее плясали бесенята. – Спасибо, мамочка, ты у меня самая-самая.

Выйдя из школы, Ксения дошла до угла и повернула на улицу, ведущую к набережной. Отель «Северное сияние», построенный, как она знала, относительно недавно, выходил на набережную торцом и благодаря выгодному расположению ценник имел, как это принято называть, конский. Именно здесь в первые дни по приезде, пока ей не дали квартиру, останавливалась Мила.

Территория отеля оказалась ухоженной и приятно удив-

ляла отсутствием провинциального шика. Клумбы в выдержанных тонах, аккуратная плитка, кованый забор без излишних завитушек и помпезности, стильная вывеска. Что ж, в том, что отечественная туристическая отрасль действительно развивается, сомневаться не приходится. В «Северном сиянии» были готовы драться за клиента и соответствовать его потребностям.

Увидев Ксению, в нерешительности остановившуюся перед входом, наружу тут же вышла девушка-менеджер.

– Вы что-то хотели? Могу ли я вам помочь?

– Да, наверное, – сказала Ксения, в душе кляня дочь. Вот ведь дурная голова материнским ногам покою не дает. – Мне нужно повидать одну из ваших сотрудниц. Кажется, она работает у вас горничной.

– Да, конечно. Как ее имя?

– Виктория Угловская.

Ей показалось, или лицо девушки-менеджера неуловимо изменилось? Словно дрогнули крылья носа и тут же застыли, подчиняясь профессиональной привычке держать лицо под контролем.

– Давайте пройдемте внутрь, пожалуйста. Я посмотрю, что можно сделать.

Ксения поднялась по ступенькам и очутилась в холле, выдержанном все в том же стиле элегантности и простоты, который она ожидала бы встретить в каком-нибудь современном отеле Лондона или Парижа, но уж никак не забытого бо-

гом Малодвинска. Ее провели к мягкому угловому дивану, стоящему у окна, усадили и попросили немного обождать.

В ожидании Вики Ксения взяла в руки рекламный проспект, расписывающий все достопримечательности города, в котором ей предстояло прожить не менее полугода, и увлеклась, потому что буклет оказался познавательным, интересным, а главное, стильным и ненавязчивым, как и все вокруг. Интересно, и где они в такой глуши находят кадры, позволяющие делать такой качественный продукт?

– Это вам нужна Виктория Угловская? Почему-то я не удивлен.

Ксения подняла голову и обомлела. Перед ней стоял их с Милой сосед, тот самый, что построил лестницу для кота. Получается, он сразу ее узнал? Интересно, это лестно или не очень?

– Да, мне, – спокойно ответил Ксения, потому что волноваться ей было совершенно не из-за чего. – Так могу я ее видеть?

– Нет, не можете. А что вас связывает с Викторией?

– Ничего, – Ксения пожала плечами. – Моя дочь дает ей уроки английского языка, девушка не пришла на занятие и не отвечает на звонки. Дочь заволновалась и попросила меня сходить к Вике на работу.

– О как. Ваша дочь… Камилла Эрнандес, приехавшая преподавать английский в Малодвинск напрямую из Канады. Ну да, вполне подходящее объяснение.

Если бы Ксения не сидела на диване, то от изумления точно бы села. Этот человек знал Милу? Но та ничего ей об этом не рассказывала.

– Откуда вы… – начала она, но тут же прервалась, понимая, что выглядит глупо. – Мы уехали из Канады, когда моей дочери было тринадцать лет, так что ваше определение «напрямую» не совсем правильное. Она действительно дает уроки Вике, поэтому я не понимаю, почему этот факт должен подвергаться сомнению. Если вы соблаговолите ответить мне на вопрос, что с Викторией, то я сразу же отсюда уйду.

Ей показалось, или он на мгновение заколебался?

– Она пропала, – впрочем, довольно быстро ответил ее собеседник. – Не вышла на работу, и дома ее тоже нет. Когда ваша дочь видела ее в последний раз?

– Понятия не имею, – Ксения пожала плечами. – Урок, на который Вика не пришла, должен был состояться вчера, а когда был предыдущий, я не знаю. Дело в том, что Мила здесь уже третью неделю, а я только три дня как приехала.

– Ваша дочь собирается учить местных детей английскому, а вы? Зачем приехали вы?

– Быть рядом с дочерью. Простите, но я не очень понимаю, почему должна отвечать на ваши вопросы. С Викой что-то случилось?

– В том-то и дело, что я не знаю, – в голосе собеседника прозвучала досада. – В субботу Угловская была на смене, а

после этого ее никто не видел.

– Но, как я полчаса назад сказала своей дочери, у этого обстоятельства может быть сколько угодно объяснений! – воскликнула Ксения. – Она могла уйти к подруге, остаться у своего молодого человека, в областной центр уехать, в конце концов.

– Могла, – согласился сосед. Надо признать, что он действительно был чертовски привлекательным, права Милка, вот только это Ксению отчего-то раздражало. А еще ей казалось, что она уже видела этого человека раньше, вот только никак не могла вспомнить, где и при каких обстоятельствах. – Но вместе с ней пропали некие важные документы, и мне кажется, что вы можете об этом что-то знать.

– Я? – неприятно удивилась Ксения. – Мне совершенно ничего об этом не известно. Но в сложившихся обстоятельствах удивляться тому, что Вика пропала, точно не стоит. Пожалуй, так я Миле и скажу. Всего доброго.

Она встала с дивана, полная решимости отправиться наконец домой, к оставленному на столе переводу.

– До свидания, – острый взгляд резанул глаза, словно перед лицом Ксении взмахнули заточенным клинком. – Если девушка выйдет с вами на связь, то передайте ей, что документы лучше вернуть до огласки.

– Передам, – кивнула Ксения, – хотя меня это, признаться, совершенно не касается. Но и у меня в таком случае будет ответная просьба – если вы найдете Вику, то скажите ей,

чтобы она позвонила Миле, чтобы отменить уроки. Так будет правильнее.

С высоко поднятой головой она покинула отель, чувствуя, как спину ее прожигает внимательный взгляд. Фу, до чего же мужик неприятный. Интересно, кто он? Полицейский? Частный детектив? Впрочем, это было совершенно неважно. Вот только откуда он знает Милу? Привычка беспокоиться о безопасности дочери никак не проходила. Именно она погнала Ксению из привычной жизни в далекий Малодвинск, но, даже чувствуя себя клушей и наседкой, Ксения ничего не могла с этим поделать. Надо будет понаблюдать за этим мужиком, чтобы не обидел Милу ненароком.

Оказавшись на улице, она глянула на часы и ускорила шаг. Ее работа требовала педантичности, и дневную норму знаков Ксения выполняла всегда, значит, следовало поторопиться. Впрочем, подойдя к их с Милой дому, она обнаружила на стоящей у забора скамейке старушку из дома напротив, ту самую тетю Стешу, которая в первые же дни взяла над Милой шефство и приносила то картошку со своего огорода, то малосольные огурчики, то какую-нибудь другую, всегда очень вкусную, снедь.

Соседка Ксении нравилась, потому что распространяла вокруг себя флюиды доброты. Она была маленькая, кругленькая, очень уютная и домашняя, с лучиками морщинок вокруг глаз и веселыми, навсегда молодыми глазами. Впрочем, сейчас лицо ее было отчего-то невеселым, тревожным

даже.

– Здравствуйте, тетя Стеша, – вежливо поздоровалась Ксения. В первый же вечер своего пребывания в Малодвинске она попыталась выяснить, как обращаться к пожилой соседке по имени-отчеству, но получила сокрушительный отпор. Тетя Стеша, и все тут. Больше она и не спорила. – Все в порядке? Помощь не нужна? Может, водички принести или лекарство?

– Нет, дочка, у меня все хорошо, – покачала головой соседка. – Сердце вот не на месте, но от беспокойства еще лекарства не придумано.

– О чем же вы беспокоитесь? Может быть, я смогу что-нибудь сделать?

Тетя Стеша внимательно посмотрела Ксении в лицо, пододвинулась, уступая место на скамейке рядом с собой.

– А и твоя правда. Одна голова-то хорошо, а вторая, знай, лучше. Посоветуй, дочка, как лучше поступить. Девчонка пропала, нигде нет. Я уж полгорода обежала, везде поспрошала, где она может быть, да не видел никто. Оно, конечно, я понимаю, дело молодое, я бы, может, и в голову не брала, да Николай Петрович уж больно волнуется, а ему нельзя, сердце у него больное. Не ровен час, беда случится.

– А кто пропал? – настороженно спросила Ксения, предчувствуя ответ.

– Вика, девочка одна. Сирота. Без родителей выросла. Бабка ее тянула, моя подружка, как померла, Вика совсем

одна осталась. Нет, мы с Николаем Петровичем ее не бросили, конечно. Помогали, поддерживали, радовались, когда она в училище поступила. Хорошая девочка. Неиспорченная, работящая. И благодарная. Николая Петровича теперь навещает.

– Кто такой Николай Петрович?

– Да что ты, – старушка искренне удивилась, – как можно не знать Николая Петровича? Хотя да, ты же не местная. Это бывший учитель истории, в нашей школе больше пятидесяти лет проработал. Почти все жители Малодвинска у него учились, вот как. А какой краевед прекрасный, про наш город никто, кроме него, столько не знает. Представляете, женат никогда не был, потому что Викину бабушку всю жизнь любил. Просто боготворил. А ее замуж за другого отдали. Теперь уж так и не бывает, наверное. Сейчас он болеет сильно, почти с постели не встает. А Вика к нему забегает, почитай, через день. Я же говорю, хорошая девочка. И куда подевалась, ума не приложу. Николай Петрович извелся весь.

Ксения слушала внимательно, потому что весь этот совершено не касающийся ее рассказ каким-то странным образом имел отношение к Миле. Хорошая девушка Вика оказалась втянута в какую-то мутную историю, а потому выбросить ее из головы не получалось.

– А где живет Николай Петрович? – Ксения внезапно решилась на глупость. – Как я могу его найти?

Тетя Стеша снова посмотрела на нее с изумлением во взо-

ре.

– Да как же где? В интернате для пожилых. Говорю же, болеет он, а человек одинокий. Интернат у нас один – на Северной улице. Если пойдешь проведывать, то скажи Сергею Павловичу, что от меня. Так и передай, тетя Стеша наказала Николая Петровича проведать. Сергей Палыч – это директор интерната, – уточнила она, предугадывая очередной Ксенин вопрос. – Очень уважаемый человек. Его у нас в Малодвинске все знают. Так что, пойдешь?

– Куда?

– Так к Николаю Петровичу. – Старушка, кажется, начала сердиться на Ксению за ее бестолковость. – Ему Вика домашнюю еду относила, а тут, почитай, третий день нет. Я бы послала, а ты снесла.

– А, да, я, конечно, передам, – спохватилась Ксения.

– Тогда постой тут, я домой за едой сгоняю, – дала указание тетя Стеша. – Пюре с утра натолкла, котлет пожарила, как знала. А вам с дочей шанежек дам. У меня вкусные шанежки, а Николай Петрович-то их не будет. Ему уж не по зубам.

Через десять минут, немало удивляясь про себя необычным поворотам малодвинской жизни, Ксения, неся в руках пакет с судками, снова удалялась прочь от дома, где ждал ее перевод новой книги.

* * *

Ситуация выглядела до оскомины банальной: конкуренты сперли важные документы, чтобы то ли сорвать «договорной» аукцион, то ли самим принять участие в нем, то ли испортить репутацию Олега Васина раз и навсегда. То, что используемая для этих целей девчонка исчезла, тоже было вполне банально. Знала кошка, чье сало съела, вот и уехала подальше от возможного наказания. В таком маленьком городке, как Малодвинск, подобное поведение не прощают, вряд ли у Виктории Угловской после кражи документов был шанс продолжать прошлую жизнь. Не могла она этого не понимать.

В то, что документы еще можно найти и вернуть, Погодин не верил. Скорее всего, они уже давно переданы заказчику, так что Олегу Васину остается только посочувствовать и рекомендовать минимизировать возможные последствия. Как? Сам разберется, не маленький.

Единственное, что мешало Андрею набрать номер утреннего гостя и высказать свои рекомендации, было появление в гостинице той странной особы, с которой он столкнулся утром у своего дома, практически сразу после визита Васина. То, что они с дочерью крутятся вокруг него, Погодина, не могло быть простым совпадением. А от ответа на вопрос, вызван ли интерес к его персоне странными событиями в Ма-

лодвинске или его корни уходят в более далекое прошлое, зависело слишком много, чтобы не обращать на него внимание.

Всю свою сознательную жизнь Андрей руководствовался правилом при любых неприятностях поворачиваться лицом к волне. Сейчас это означало, что к соседкам стоило приглядеться внимательнее и ни в коем случае их не избегать. Врага нельзя оставлять за спиной, даже потенциального. Именно поэтому после здравого размышления звонить Васину Погодин пока не стал.

Возвращаясь из гостиницы, он от нечего делать вышел на набережную. Это ощущение бесконечности времени для него было новым, и Андрей никак не мог к нему привыкнуть. Вся его прошлая жизнь, сколько он себя помнил, всегда была подчинена жесткому графику и суровой дисциплине. И вот сейчас, когда, проснувшись утром, некуда было спешить, он, пожалуй, впервые в жизни остался наедине с собой… и пока не мог ответить на вопрос, нравится ли ему эта компания.

Жизнь в Малодвинске с ее неспешным течением, местечковыми неурядицами и провинциальными сплетнями казалась безвременьем, в котором он завис, как попавшая в паутину муха. Конечно, он мог в любой момент уехать отсюда, вернуться в Москву и ждать нового назначения там, вот только внутреннее его состояние тоже сильно напоминало безвременье, а это означало, что другой картинкой за окном его не изменишь.

Пока Андрей был в гостинице, прошел короткий, все еще летний, дождь, но сейчас снова выглянуло солнце, и мокрая набережная под его лучами казалась политой маслом. Река, извиваясь, как большая сытая змея, ползла куда-то, перекатывая волны. На ее темной глади то здесь, то там светлели четырехугольные пятна деревянных мостков, с которых женщины здесь испокон веков полоскали белье.

«Полоскалки», как их звали в народе, были таким же неотъемлемым признаком Малодвинска, как расписные алтари и уходящие в небо золотые луковицы соборов. Несмотря на то что за окном разворачивался во всю ширь, шагал во весь рост двадцать первый век, а в большинстве домов давно уже был водопровод, женщины по-прежнему предпочитали в любую погоду ходить на реку полоскать белье и мыть ковры.

Зимой для этого прорубали проруби, над которыми склонялись, встав на колени и опуская в ледяную воду красные, потрескавшиеся, распухшие руки. Летом использовали «полоскалки». Местная власть каждый год выделяла деньги на их обустройство, не рискуя нарушать сложившуюся традицию.

Вот и сейчас на одном из дощатых приспособлений столпились несколько женщин, склонившихся над рекой и увлеченно в ней что-то разглядывающих. Пододеяльник за корягу зацепился, что ли? В движущихся, а потом в одночасье внезапно застывших фигурках чудилась какая-то трево-

га, поэтому Погодин остановился, приложив ладонь к глазам как козырек. Отчего-то ему вдруг показалось важным понять, что именно они там разглядывали. Спустя мгновение над рекой, разносящей звуки далеко по округе, раздался звонкий, оглушительный женский визг, переходящий в вой и причитания. Погодин помчался туда, отметив краем глаза, что так же поступили еще несколько прохожих.

– А-а-а-а-а, – от истошного крика закладывало уши.

Очутившись на берегу, у самой кромки воды, одним из первых, Андрей впрыгнул на хлипкое деревянное сооружение, тут же осевшее под его весом.

– Тихо, – гаркнул он, чтобы прервать терзающий слух звук, – коротко, что тут у вас случилось?

Впрочем, вопрос можно было и не задавать, потому что он и сам уже видел, что случилось. Из толщи воды на него смотрело женское, вернее девичье, лицо. Распущенные волосы извивались, напоминая водоросли. Тело погибшей было наполовину скрыто мостками, видимо чем-то зацепившись за них, поэтому она была похожа на русалку. К сожалению, мертвую. Что за черт!

– Полицию вызывайте, – бросил он какому-то мужику, тоже подбежавшему на крик, но оставшемуся на берегу.

– А «Скорую»? – с возмущением спросила одна из женщин.

– А «Скорую» поздно.

– Боже мой, беда-то какая, – запричитала вторая женщи-

на, та самая, что до этого визжала. – Это как же, молоденькая совсем, вот родителям горе. Не переживут ведь.

– Родителям? Вы знаете эту девушку? – уточнил Погодин.

– Нет, – покачала головой та. – Не знаю. Видела вроде, так у нас город маленький, все лица знакомые. Вот, кроме вашего.

Взгляд у нее стал острый, внимательный.

– Я ее знаю, – вздохнула женщина, спрашивавшая про «Скорую». – Она ко мне в библиотеку ходила. Нет у нее родителей. Это Вика Угловская.

День на глазах окончательно переставал быть томным. Выходит, девушка, укравшая из отеля папку с документами, не сбежала, боясь наказания, а утонула в реке. Было ли это простым совпадением или Вика покончила с собой, не выдержав мук совести? А может, была хладнокровно убита тем, кто подослал ее стащить папку? Что ж, это еще предстояло выяснить.

До приезда полиции Погодин успел увести с «полоскалки» на берег всех людей, а также сдержать наплыв остальных любопытствующих. В то, что на деревянной поверхности остались какие-то следы, он не верил. Девушку в последний раз видели в субботу, сегодня вторник, за это время дважды припускал дождь, так что следы, если они и существовали, давно уже смыты.

По здравом размышлении, полицию он решил дождаться. Несмотря на то что погибшую Викторию он не знал, а име-

ющейся у него информацией делиться с правоохранителями был не намерен, покинуть место преступления означало привлечь к себе внимание. Этого Погодину уж точно не хотелось, да и знакомство с местными оперативниками могло иметь смысл, поэтому он остался на берегу, исполняя роль случайного законопослушного зеваки.

О том, как устроен приезд полиции на место происшествия, он тоже не имел понятия, так что позиция наблюдателя и в этом могла оказаться полезной. Сначала на берегу реки появился участковый – мужчина одного возраста с Погодиным, но выглядящий не в пример хуже, ежедневной гимнастики он точно не делал, да и излишествам предавался регулярно. Затем прибыла машина Следственного комитета – синяя с красной полосой, на ней приехала опергруппа.

Главным тут же стал криминалист, одобрительно воспринявший тот факт, что деревянный настил совершенно пуст, и тут же разложивший на нем чемодан со своими «прибамбасами». Следователь дал негромкую команду участковому и оперативникам, которые не спеша начали обход толпящихся людей, снимая показания. Когда дошла очередь до Андрея, он спокойно предъявил документы и рассказал все, что произошло с того момента, как он услышал крик.

– Потерпевшую видели?

– В воде? Да. Я думал, кому-то нужна помощь, поэтому подбежал довольно близко. Когда понял, что помочь уже ничем нельзя, попросил людей отойти на берег и никого не под-

пускал.

Следователь полоснул его внимательным взглядом.

– Разбираетесь? Работа или служба?

– Просто детективы люблю смотреть.

– Любитель, значит.

– Да уж, простите, не профессионал.

– Потерпевшую при жизни знали?

– Никогда не видел, – не соврав ни на йоту, сообщил Погодин.

Следователь снова оглядел его с головы до ног, задержавшись взглядом на замшевых мокасинах, весьма, признаться, дорогих. Глянул в паспорт, который все еще держал в руках. По поводу документа, пожалуй, могли возникнуть вопросы.

– Вы в городе недавно, Андрей Михайлович?

– Чуть меньше месяца.

– Цель визита?

– Отпуск, – как можно простодушнее улыбнулся Погодин. – Я отсюда родом, вот приехал проведать малую родину. Потянуло к истокам, так сказать.

– К истокам, значит.

Погодин видел, что вызывает у следователя некоторое раздражение, и силился понять его природу. Инстинктивное недоверие к чужакам? Или профессиональная привычка подмечать тревожные детали? Ответа он не знал.

– Ладно, Андрей Михайлович, надеюсь, вы еще задержитесь в Малодвинске на какое-то время, если у следствия

возникнут к вам вопросы. Не хотелось бы ловить вас в вашей… – он перелистнул страницы паспорта, чтобы посмотреть на прописку, – Москве.

Неприязни в голосе прибавилось, и Погодин немного расслабился. Похоже, она была вызвана все же его столичным лоском, а не высоким уровнем профессионализма. Ладно, так и запишем.

– А какие ко мне могут быть вопросы? – простодушно спросил Андрей. – Девочка утонула, жалко, конечно, но я ее не знал, так что ничего нового все равно сообщить не смогу.

Следователь не ответил, потому что его отозвал в сторону криминалист. Сойдя с деревянной «полоскалки», он что-то негромко говорил, держа в руках кусок довольно толстой проволоки, кажется стальной. Та-а-ак, значится, девушка Вика была привязана к основанию деревянного настила проволокой, из чего вытекает, что версии случайной гибели и самоубийства несостоятельны. Викторию Угловскую убили. Вот тебе и тихий Малодвинск.

После того как следователь его отпустил, оставаться дальше на берегу было неправильно. Конечно, тело Вики еще не увезли, но в планы Погодина не входило расследование убийства, поэтому он счел, что увидел все, что хотел. Пожалуй, теперь надо сообщить об убийстве Васину до того, как к владельцу отеля, где работала девушка, придет полиция с расспросами.

Реакция бизнесмена, признаться, его интересовала. А что,

если это Олег Иванович избавился от девушки, разумеется после того, как заставил ее вернуть украденное? Что, если визит к нему, Погодину, был просто уловкой, чтобы отвести подозрения? За долгую жизнь Андрей привык к тому, что верить сказанному слову нельзя, а значение имеют только собственные выводы и ощущения. Поэтому, бросив последний взгляд на то, что происходило на берегу, он зашагал прочь.

Васина он нашел там же, где оставил часом ранее, – в гостинице. Наблюдая по ходу рассказа за переменой эмоций на лице бизнесмена, Погодин приходил к выводу, что девчушку тот не убивал. В свое время его научили читать по лицам, и небольшой процент ошибки был возможен только в том случае, если бы главный предприниматель и меценат Малодвинска оказался гениальным актером.

Олег Иванович бледнел, краснел, пыхтел, вытирал пот с налившейся кровью крепкой шеи, вздыхал и тер лоб. Кажется, у него даже давление поднялось.

– Господи, жалость-то какая, – сказал он, когда Погодин замолчал. – Кто ж ее так? Вот ведь дурочка. Молоденькая наивная дурочка. Нет, я понимаю, на деньги повелась. Сирота, а жить-то хочется. Но зачем? Зачем? Пришла бы, почестному призналась, неужели я бы не понял? Не помог? А теперь еще и это. Это ж какой негодяй такое сотворил?

– Возможно, тот самый негодяй, который подговорил ее вынести документы из вашего кабинета, – ответил Погодин. – Олег Иванович, у вас осталось не так много време-

ни, чтобы принять решение, будете вы рассказывать полиции про кражу, которую совершила Угловская, или нет. В первом случае это поможет вычислить убийцу, но ударит по вашей репутации. Во-втором вас точно не станут подозревать в убийстве из мести, но и мотив преступления будет неясен.

Васин смотрел на него во все глаза.

– Вы что, Андрей Михайлович, считаете, что девочку лишили жизни из-за того, что она стащила у меня эту папку? Да это же полная чушь. Ерунда! Да, я обратился к вам за помощью, потому что в данной ситуации могла пострадать моя репутация или мои деньги. Но это не те деньги, ради которых стоит убивать. Не только мне. Никому. Мои конкуренты – беспринципные, жесткие, во многом совершенно аморальные люди. Но они не убийцы. Тайна гибели этой бедняжки лежит в совсем иной плоскости, уж поверьте мне.

– И в какой же, уважаемый Олег Иванович? – Погодин смотрел чуть иронично, но признавал, что, пожалуй, этот мужик ему нравится. – Сирота без кола без двора. Студентка, горничная в отеле. Это я все к тому говорю, что вам нужно как-то четко сформулировать ту версию, которую вы захотите отдать полиции вместо истории с пропажей папки. А я пойду, пожалуй. Не думаю, что господину следователю нужно знать о нашем знакомстве.

– Ах ты боже мой! Разумеется, я не подам вида, что уже знаю о несчастье. Хотя город у нас маленький, известие о том, что Вика утонула, вполне уже могло просочиться. А из-

за чего могли ее убить? Да из-за чего угодно. Может, у нее была тайная любовь? Например, с женатым человеком, который не хотел, чтобы об их связи стало известно.

– А у нее была тайная связь с женатым человеком? – быстро спросил Погодин.

– Да откуда же я знаю? Я просто для примера говорю.

– А может, работая горничной, она могла что-то увидеть или услышать? Тут, в гостинице? Что она могла узнать опасного?

Васин вдруг засмеялся. В сложившейся ситуации смех его звучал нелепо, да и похож был на скрежетание металла по стеклу, но все-таки это был смех.

– Сразу видно, что в Малодвинске вы недавно, Андрей Михайлович. Нет в нашем городе никаких таких тайн, о которых могли бы говорить в моей гостинице. Ничего не нарушает тихого и размеренного течения местной жизни. Если только строительство аэропорта. Так что я все-таки настаиваю на любовной версии. Так следователю и скажу.

Погодин кивнул и направился к выходу.

– Андрей Михайлович, – окликнул его Васин, – спасибо, что предупредили.

По дороге домой Андрей зашел к тете Стеше. Он помнил, что утром соседку интересовала судьба Вики Угловской, о которой беспокоился неведомый ему Николай Петрович. В том, что женщина расстроится, он даже не сомневался, а потому предпочел, чтобы неприятные известия она узнала от

него.

Тетя Стеша действительно распереживалась так, что Погодину даже пришлось налить ей сердечных капель. Этот запах, резкий, удушливый, он терпеть не мог с детства, потому что он ассоциировался у него с бедой. Нигде в мире ничего подобного не применяли, и только здесь, дома, подзабытое уже основательно детство вернулось и ударило в нос.

– Викочка, девочка, да как же так, – плакала тетя Стеша, по-бабьи вытирая глаза уголками повязанного платка. – Такая чистая, светлая, добрая. Удивительный человечек. Был. У какого ирода рука поднялась? За что же, господи?

– Тетя Стеша, а у Виктории был молодой человек? – спросил Погодин. – Или, может, она с кем-то встречалась, кто был старше ее?

– Да господь с тобой, Ондрюшко, – возмутилась старушка. – Я же говорю, чистая девочка была, неиспорченная. Не такая, как сейчас принято. Она, конечно, как все девчонки, о любви мечтала, но такой, чтобы на всю жизнь. Во как. Другто у нее был. Они вместе в школе учились. А после школы она в Малодвинске осталась, в техникум свой поступила, на туризм, значит, а Илюшка в Вычегодск уехал, на связиста учиться. Господи, да как же Николай-то Петрович теперь. Не переживет же, как есть не переживет. Викушка ж ему как родная… Своих детей и внуков бог не дал, только она у него и была, чисто свет в окне. Господи, беда-то какая…

Убедившись, что здоровью расчувствовавшейся старуш-

ки ничего не угрожает, Погодин ушел домой. Тайна гибели неизвестной ему Вики Угловской отчего-то занимала его все больше, хотя никакого отношения лично к нему, Андрею Михайловичу Погодину, эта история иметь не могла.

Дома он задумчиво остановился у кухонного окна, раздумывая, что бы сегодня поесть. В размеренный режим малодвинской жизни входило ежедневное приготовление обедов и ужинов, как это делала когда-то бабушка. В прошлой своей жизни на неделе они с Линн всегда ели в ресторанах или заказывали доставку готовых блюд на дом. Только в выходные приготовлению чего-то домашнего уделялось значительное время, да и то в основном это было барбекю во дворе.

Рестораны в Малодвинске тоже были, даже несколько, и в первую же неделю Погодин обошел их все, обнаружив, к своему удивлению, весьма неплохое качество и разнообразный выбор. Здесь стряпали просто и сытно, не скупясь на порции, и за очень доступные, а по меркам Погодина, просто смешные деньги.

Антрекоты и котлеты готовили из свежайшего мяса, которое приобреталось у окрестных фермеров, сыр поставлялся из местной сыроварни, овощи, а также ягоды и грибы скупали у местного населения, и все это было такое вкусное, что просто ум отъешь, как говорила погодинская бабушка. И все же, оставив рестораны на выходные, на неделе он готовил сам, чтобы занять неожиданно ставшее бесконечным время.

Сваренный из купленных на рынке белых грибов суп он

доел вчера, собираясь сегодня с утра заняться борщом из свежих овощей, выданных тетей Стешей. Вот только утро оказалось неожиданно занято, и заводиться с борщом было уже бессмысленно, тем более что есть хотелось прямо сейчас. От завтрака осталась одна шанежка, и Андрей съел ее, запив остатками молока. Проблемы обеда это не решало.

Он был здоровым пятидесятилетним мужиком, поддерживающим себя в хорошей форме, поэтому, для того чтобы почувствовать сытость, нужно было что-то большее, чем одинокая шанежка. Немного подумав, Погодин решил, что сегодня, в порядке исключения, можно пообедать в ресторане.

Насыпав корма Пирату, того, кажется, опять не было дома, он снова вышел на улицу, решив сходить в расположенный за углом трактир, где подавали алый борщ, в котором стояла ложка, и самолепные пельмени с лосятиной. Несмотря на разгар рабочего дня, народу в трактире было довольно много. Оживленный гул разговоров разносился по залу, и очень быстро Андрей понял, что обсуждают все одно и то же – убийство Вики Угловской. Что ж, действительно событие для такого маленького города, а сплетни здесь разносятся быстро.

С аппетитом принявшись за принесенный борщ, огненный, с плавающими кусочками сала и маленьким красным перчиком, он подышал открытым ртом, из-за того что было горячо и остро, опрокинул в рот рюмку водки, откусил

от ржаной горбушки, пахнущей полем, солнцем и какими-то пряными травами, и зажмурился от удовольствия, не переставая прислушиваться к разговорам. Разумеется, со стороны его внимательный интерес был совершенно незаметен.

Из разговоров выходило, что девушка Вика вела ничем не примечательный образ жизни. Училась, работала, регулярно заглядывала в интернат для пожилых, где навещала давнего друга своей бабушки, но при этом не чуралась помощи и другим тамошним обитателям. Хорошо шила и вязала, мечтала о путешествиях, для чего старательно откладывала деньги. Если у нее и был какой-то тайный любовник, то малодвинские сплетники о нем не знали. Более чем странно.

Как бы то ни было, единственным местом, кроме дома и гостиницы, где бывала погибшая, оставался дом-интернат. Не самый привычный выбор для молодой девушки. На всякий случай Погодин решил наведаться и туда, чтобы попробовать поговорить с близким Виктории Угловской человеком – бывшим учителем истории Николаем Петровичем Валевским. Если кто-то и знал о девичьих тайнах, которые скрывала от остальных людей Виктория, то только он.

Валевского Андрей помнил, хотя у них тот не преподавал, да и история никогда не была его любимым предметом. Где располагается интернат, Погодин, разумеется, тоже знал. Пешком до него было минут двадцать, огромное, по малодвинским меркам, расстояние. Взяв правильный темп, не слишком быстрый, не слишком медленный, Андрей шел

по основательно позабытым с детства улицам, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Городок, в котором он вырос, одновременно и изменился, и нет. Старинная архитектура, как нельзя лучше подходящая к патриархальному укладу жизни, осталась та же, лишь кое-где ее разбавили современные коробки «Пятерочек» и «Магнитов», а вот атмосфера сделалась неуловимо другой, менее наивной и провинциальной, более инстаграмной, что ли, соответствующей нынешнему жизненному правилу казаться, а не быть.

Дом-интернат, расположенный на небольшом участке земли, под густо растущими соснами, тоже был все тот же: деревянное здание с верандами по бокам, похоже, совсем недавно застекленными, красной крышей, новенькой, отливающей золотом вывеской, слегка щербатыми ступеньками крыльца и тяжелой резной дверью, готовой, видимо, простоять еще сто лет.

Между соснами были развешаны какие-то китайские фонарики, кормушки для птиц, сплетенные из ивы шарики, видимо изготовленные руками постояльцев. Погодин посмотрел мельком, ибо интереса они не представляли. У входа стояла «Скорая помощь», и в этом тоже не было ничего необычного. Обитатели дома-интерната были людьми пожилыми и нездоровыми, скорее всего, «Скорая» приезжала сюда несколько раз в день.

Впрочем, додумать эту мысль Погодин не успел. Входная

дверь открылась, и санитары вынесли носилки с лежащим на них телом, накрытым белой простыней. Вот оно как, значит. Остановившись, Андрей решил переждать, пока скорбное действие закончится. Пока носилки грузили в машину, врач в зеленом медицинском костюме о чем-то разговаривал с невысоким, чуть полноватым, не очень молодым человеком с густой седой шевелюрой и в очках. Судя по бумагам, которые он держал в руках, это был кто-то из сотрудников интерната, а по вальяжности – директор.

Рядом с ним, Погодин не поверил собственным глазам, стояла та самая женщина, которую он сегодня встречал уже в третий раз, вездесущая мамаша Камиллы Эрнандес. А ей-то что тут надо? Ее присутствие сначала у его дома, потом в гостинице, а теперь еще и в интернате не могло быть простым совпадением. Что ей нужно? Пропавшие документы? Информация о Вике? Или все-таки он, Погодин?

В этом месте своих размышлений Андрей помотал головой, потому что о том, что он отправится в этот чертов интернат, знать никто не мог. Что бы ни делала тут эта женщина, к нему это отношения не имело. Однако ее присутствие на крыльце в этот момент позволяло уверенно понять, кто лежит на носилках под простыней. Николай Петрович Валевский. И это означало одно: Погодин опоздал.

В этот момент женщина тоже увидела его. Глаза у нее вспыхнули, то ли от неожиданности, то ли от возмущения, то ли от страха. Ну да, она не ожидала его появления, и оно

ей не нравится. Интересно, почему.

Хлопнули дверцы машины, одна, вторая. Фырча и исторгая клубы черного удушливого газа, машина «Скорой» выехала со двора и покатила прочь. Андрей подошел поближе.

– Что тут у вас случилось?

– Да пациент умер, – вздохнув, ответил мужчина. – Узнал о гибели близкого ему человека, вот сердце и не выдержало. Он, конечно, и так уже совсем плох был, но все же. А тут в одночасье. Земля ему пухом. Хороший человек был. А вы к кому-то пришли?

– Да, я бы хотел переговорить с Николаем Петровичем Валевским. – Когда это было необходимо, Погодин умел виртуозно включать дурака. – Мне сказали, что он много знает об истории Малодвинска, а мне это было бы интересно.

В глазах стоящей рядом женщины он прочитал презрение. Ну да, она знает, что он врет. Мужчина же всплеснул полными руками, немного напоминающими женские.

– Так ведь это невозможно. Дело в том, что как раз Николай Петрович и умер.

– Да что вы говорите? – «огорчился» Погодин. – Как жаль, а мне очень советовали с ним поговорить. Я слышал, что у него было даже несколько собственных книг про наш город. Скажите, а нельзя ли их одолжить на время? Я потом обязательно верну. Родственники могут не волноваться.

– Так нет у него родственников, – снова всплеснул руками толстячок. – Один как перст. В том-то и дело. А книги

его есть. В его комнате. Авторские экземпляры, так сказать. Если хотите, можете взять, на время, конечно.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Погодин.

– Только, если можно, давайте не сейчас. Сегодня такой печальный день. Мне еще надо отдать все распоряжения, связанные со смертью Николая Петровича и его похоронами. Кстати, разрешите представиться. Сергей Павлович Сыркин, директор этого заведения.

С именем было связано какое-то воспоминание, правда смутное. Погодин пожал протянутую ему мягкую ладонь. Хорошо еще, что сухую.

– Погодин Андрей Михайлович, – сердечно сказал он в ответ. – Финансовый консультант. Приехал в отпуск на родину, отдохнуть от дел. Вот, заодно решил и исторические сведения о родном крае обновить. За книгами обязательно приду. Если при этом разрешите еще почитать бумаги старика, то буду вдвойне признателен. Вдруг в них тоже может найтись что-то интересное.

– Андрей, – недоверчиво протянул Сыркин. – Ну надо же, а я тебя сразу и не признал. Ты меня что, тоже не узнаешь? Это же я, Серега Сыркин. Мы ж с тобой в одном классе учились. Не помнишь?

Теперь Погодин его узнал. Перед ним действительно стоял его одноклассник по прозвищу Сырок, любимец всех девчонок. Андрей на отсутствие женского внимания в школе тоже не жаловался, но до Сыркина с его волооким взглядом и

густым чубом, лихо стоящим надо лбом, ему было далеко.

– Привет, Серега, – сказал он. – Помню, конечно. Зайду за книгами Валевского, обязательно поболтаем. А пока извини, пойду я. Да и у тебя дела.

– Я тоже пойду, Сергей Павлович, – мягко сказала женщина. – Мне очень жаль, что так получилось. И девочку эту тоже очень жаль.

– Это вы рассказали старику про смерть Виктории? – быстро спросил Погодин. – А как вы про это узнали?

– Нет-нет, он от меня узнал, – снова всплеснул руками директор. – Город у нас маленький, прибежали сотрудники, рассказали, я решил, что Николай Петрович должен знать. Конечно, это стало для него огромным ударом, просто огромным. Вика для него была единственной радостью в жизни. Господи, какая трагедия. Бедная девочка.

– Я просто была здесь в тот момент, когда Сергей Павлович пришел с этим страшным известием, – негромко сказала женщина. – Я принесла Николаю Петровичу еду. Меня попросили это сделать, потому что Вика пропала. А вы, как я вижу, об этом несчастье тоже уже наслышаны.

Немного подумав, Погодин решил, что врать бессмысленно, в таком маленьком городке его ложь обязательно вскроется.

– Я не просто наслышан, а был на берегу в тот момент, когда девушку нашли, – признался он.

Сыркин неожиданно встрепенулся.

– Ты был очевидцем? Андрюха, прости мое любопытство, но если ты был там, то, может быть, знаешь, маленькую икону при ней нашли?

Давно уже никто не называл Погодина Андрюхой.

– Что, прости?

– Ну как же! У Вики была маленькая карманная икона. Наверное, Николай Петрович подарил, или… не важно. Викуся ее очень берегла. Очень.

– И что это была за икона?

– Богоматерь Одигитрия, филигрань, финифть. Николай Петрович говорил Вике, что лик этой святой поможет в делах душевных и позволит избежать беды и конфликтов. Она всегда ее с собой носила. В сумочке.

Насколько помнил Погодин, никакой сумочки из реки не доставали.

– Серег, я не знаю, – сказал он. – Но если полиция будет спрашивать, ты про эту икону расскажи. Она, кстати, ценная была?

– Да я в них не разбираюсь, если честно, – немного смутился Сыркин. – Но не совсем уж дешевая, точно. Я просто думаю, может, Вику из-за нее убили? Из-за иконы? Потому что из-за чего ее еще можно было убить?

– Сергей, а в день смерти она к Николаю Петровичу приходила?

– Не знаю, – замотал головой Сыркин. – Я ее не видел, но это же не означает, что ее здесь не было. Могла и забежать

к старику после работы, она часто так делала. А могла и не забегать.

– Говорят, роман у нее был. – Погодин внимательно следил за лицами обоих собеседников. Женщина хоть и попрощалась уже, но все-таки не уходила. – С женатым мужчиной. Не слышал?

– Роман, – глаза у Сыркина забегали, – с женатым. Нет, не слышал, врать не буду. Но она же не ко мне приходила, а к Николаю Петровичу. Может, тот и в курсе был. Не знаю.

– Ладно, не важно. Сплетни это все. – Андрей протянул руку и снова почувствовал вялое рукопожатие человека, оказавшегося его одноклассником. Вот никогда бы не узнал и не вспомнил, если бы не случай. – Пойдемте, – обратился он к даме, которая все это время молчала. – С учетом того, что мы живем в соседних домах, нам явно по дороге. Вас как зовут?

– Ксения Александровна Королева, – сдержанно ответила та. – Раз уж нам действительно по пути, пойдемте.

* * *

Присутствие этого мужчины ее раздражало. Известие об убийстве Вики ошеломило Ксению, кроме того, на глазах у нее только что умер человек, однако, идя по улице, она думала только о снедающем ее раздражении и вызывающем его источнике, невозмутимо вышагивающем рядом.

В нем было что-то опасное и притягательное одновремен-

но. И еще его близость почему-то волновала, вызывая смутные желания, невозможные в принципе и особенно неуместные сейчас. Пожалуй, Ксения понимала свою дочь, считающую этого человека привлекательным. Вот только совсем смешно, что они с Милкой могут заглядываться на одного и того же мужчину. Глупо и немыслимо.

Искоса поглядывая на незнакомца, Ксения пришла к выводу, что, пожалуй, они с Милой составили бы неплохую пару. Его взрослая красота и мужественность прекрасно оттеняли бы молодость и неброскую Милкину прелесть. И после крушения личной жизни новый роман Милке не повредил бы. Как говорится, клин клином вышибают. Вот только… Пожалуй, из романа с этим мужчиной будет не так просто выбраться. Затянет в омут – и все, считай, пропала. Поэтому Ксения решила про себя сделать все возможное, чтобы держать дочь как можно дальше от соседа.

Придя к такому выводу, она даже малость повеселела и рискнула нарушить молчание, в котором они прошли почти треть пути:

– Вы действительно были там, когда нашли Вику?

– Да.

– И, – она помолчала, подыскивая слова, – как это было?

Как ни странно, он понял, о чем она спрашивает.

– Плохо. Смерть всегда отвратительна, особенно когда она насильственная и речь идет о совсем юной девушке. Впрочем, вам сегодня, похоже, тоже досталось. Позволю се-

бе вернуть вам ваш вопрос. Как это было?

– Тоже плохо. Когда я пришла, то нашла Сергея Павловича, чтобы сообщить, что принесла для Николая Петровича еду от тети Стеши. Ему только что сообщили, что в реке нашли тело Вики, и он как раз направлялся к старику, чтобы ему об этом рассказать. Я и сама не знаю, зачем пошла с ним. Разговоры про девушку уже не имели смысла. Просто контейнеры с едой нужно было оставить, раз я обещала. В общем, Николаю Петровичу сразу стало плохо. Вызвали местного врача, но старик потерял сознание, стал хрипеть. Вызвали «Скорую», остальное вы видели.

– Вы были в его комнате?

– Да, правда, далеко не проходила, осталась у дверей. Вас интересует, не видела ли я там той папки, о которой вы говорили?

Он кинул на Ксению все тот же острый взгляд, который она уже замечала.

– А вы ее видели?

– Вы пытаетесь меня подловить на сущей ерунде, – сказала Ксения устало. – Я понятия не имею, как именно должна выглядеть ТА папка, но знаю только, что на столе в комнате у Николая Петровича вообще никаких папок нет. Только тетради. Обычные такие общие тетради, которыми мы все пользовались в школе. Ну, и книги, разумеется. Андрей Михайлович, как вы думаете, за что могли убить эту девушку?

– Понятия не имею, – признался он. Ксении показалось,

что искренне. – Но документы из гостиницы действительно пропали. И, как выясняется, какая-то ценная икона. А еще у скромницы и хорошей девушки Вики, оказывается, мог быть взрослый любовник, желающий сохранить эти отношения в тайне.

– Простите, а это, случайно, не вы? – вырвалось у Ксении еще до того, как она сама поняла, что спрашивает.

Ее попутчик с изумлением посмотрел на нее.

– Нет. Как вам такое в голову пришло? Я вообще никогда не видел этой девушки. В отличие, скажем, от моего однокашника Сереги Сыркина.

– Да, мне тоже показалось, что он почему-то занервничал, когда вы сказали, что у Вики был роман, – согласилась Ксения. – Впрочем, все это нас совершенно не касается. Мне бы только придумать, как помягче рассказать о гибели Вики своей дочери. Мила почему-то очень расположена к этой девушке. Уверена, что расстроится.

– Зачем вы приехали в Малодвинск? Вы обе?

Вопрос был таким внезапным, что Ксения даже споткнулась от неожиданности.

– Вам-то какое дело? – воскликнула она, с досадой понимая, что подвернула ногу.

Это было ее слабое место. Много лет назад, занимаясь танцами, Ксения заработала «привычный вывих», заставивший навсегда распроститься с мечтами о карьере танцовщицы. Теперь при малейшей оплошности нога подворачива-

лась, опухала в щиколотке, и ее несколько дней требовалось туго бинтовать, чтобы иметь возможность передвигаться хотя бы по квартире. Вот ведь черт. От боли у нее потемнело в глазах, и она опустилась на корточки, схватившись за несчастную ногу обеими руками. И как теперь, спрашивается, доковылять до дома?

– Что случилось? Вам больно?

– Ничего страшного, – прошипела Ксения сквозь стиснутые зубы. – Подвернула ногу.

Он присел рядом, твердыми пальцами ощупал ее лодыжку, как будто разбирался в травмах.

– Ничего страшного. Перелома нет, вывих. Идти сможете?

– Вы что, врач? – спросила Ксения с подозрением.

– Нет, я финансовый аналитик, – ответил он. – Но меня когда-то давно учили оказывать первую помощь. Видите ли, в юности я занимался спортивными танцами. Так что, сможете идти?

Какое-то смутное воспоминание мелькнуло у Ксении в голове и тут же пропало. Может, ей не зря кажется, что она уже когда-то видела этого человека? Возможно, они встречались на каком-то из чемпионатов? Господи, даже если и так, это было так давно, что сейчас уже не имеет никакого значения.

Распрямившись и стараясь стоять, перенеся вес только на одну ногу, Ксения прислушалась к собственным ощущениям. Больно, но пока терпимо. Скорее всего, распухнет и сильно заболит нога только к вечеру, так что сейчас нужно

постараться все-таки попасть домой.

– Идти, кажется, могу, – сказала она, потому что ее спутник внимательно смотрел на нее, ожидая ответа на свой вопрос.

– Отлично, тогда обопритесь на мою руку, и пойдем с божьей помощью, – сказал он, протягивая Ксении согнутый локоть. – Думаю, что мы успеем добраться до места назначения до того, как все станет совсем плохо.

Следующие пятнадцать минут, медленно и сильно хромая, Ксения все-таки двигалась в сторону дома. Ее спутник не только принял на себя практически весь ее вес, но и забрал сумку с контейнерами, в которых по-прежнему лежала с любовью приготовленная тетей Стешей еда. Оставлять ее в интернате Ксения не стала.

– И все-таки, что вы делаете в Малодвинске? – спросил ее неожиданный попутчик. – Ваша дочь приехала преподавать английский, отказавшись от работы в престижной областной гимназии. Зачем?

– Откуда вы знаете Милу? – Ксения снова вскинулась, как делала всегда, когда речь касалась ее дочери.

– Навел справки, – пожав плечами, ответил он.

– Но зачем?

– Видите ли, Ксения Александровна, когда на моем пути с завидным постоянством появляется некая молодая особа, умело маскирующая под непосредственностью молодости какой-то интерес, мне невольно приходит в голову попы-

таться выяснить, что ей может быть надо. Теперь тот же самый вопрос у меня возникает и в отношении вас. Особенно сейчас, когда случилось убийство.

– Да боже мой! – Ксения отдернула руку, которую держала на его предплечье, и снова чуть не упала. Боль пронзила ногу, да так сильно, что она закусила губу, чтобы сдержать крик.

– Держитесь лучше, – невозмутимо сказал попутчик. – Конечно, я смогу донести вас до дома на руках, но, боюсь, это представление Малодвинск будет обсуждать неделю. Не знаю, как вы, а я не стремлюсь стать героем местных сплетен.

– Я тоже, – сказала Ксения, тяжело дыша, и снова оперлась на его руку. Время для отстаивания независимости было выбрано явно неудачно. – Хорошо, я вам отвечу, но только потому, что действительно произошло преступление. Моя дочь рассталась со своим молодым человеком и приняла решение уехать из города. Сменить обстановку. В Малодвинске была вакансия по ее специальности, и место это Мила сочла достаточно отдаленным, чтобы постараться здесь забыть прошлое. Я поехала с ней, потому что за нее переживаю. Вам достаточно такого ответа?

– Вы можете себе позволить бросить работу?

– Моя работа не зависит от географии. Я – литературный переводчик. Могу заниматься своим делом из любой точки земного шара. И да, дочь мне важнее всего на свете.

– Понятно, – сказал он задумчиво. – Надо признать, Ма-

лодвинск действительно очень подходит для того, чтобы постараться забыть здесь прошлое.

Ксении показалось, или в голосе его промелькнула какая-то горечь?

– Который час? – спросила она. – Хотелось бы оказаться дома до того, как Мила придет с работы.

– Половина четвертого.

– Надо поторопиться…

До дома они все-таки добрались, хотя и очень медленно. Щиколотка наливалась болью, и последние сто метров Ксения преодолела уже фактически со слезами на глазах. То, что пару дней она не сможет даже ступить на ногу, становилось очевидным. Ну что за раззява такая!

– У вас дома есть все необходимое? – спросил попутчик у Ксении, когда она с трудом, но все-таки поднялась на крыльцо. – Тугой бинт, согревающая мазь, обезболивающее?

– Что-то есть, – кивнула она. – Мила вернется с работы, поест, и я попрошу ее сходить в аптеку.

– Я принесу, – пообещал он. – Кормите дочь, рассказывайте ей про Вику и не оставляйте одну. В аптеку я схожу, вот только занесу все это богатство, – он помахал перед глазами Ксении сумкой с судками, – тете Стеше. Ей тоже нужен кто-то рядом, когда она про Николая Петровича узнает.

Впрочем, на этих словах из-за угла завернула сама соседка. Лицо у нее было растревоженное и заинтересованное одновременно.

– Что ж ты так долго, доча? – с укоризной просила она у Ксении. – Я уж все глаза у окна проглядела. Тебя ж только за смертью посылать. Как там Николай Петрович? Сказали ему про Викушку?

Ксенин попутчик молча передал старушке сумку с судками.

– Так что ж, ты и котлеты с пюре не отдала, что ли, – сунув внутрь нос, возмутилась тетя Стеша. – Или ты и в интернате не была? Ондрюшко, это ты ее взбаламутил, что ль?

– Я была в интернате, тетя Стеша, – устало сказала Ксения. – Вот только опоздала. Николай Петрович узнал о гибели Виктории и… Он умер, тетя Стеша.

– Ох ты господи. Упокой души рабов твоих Николая и Виктории, – проговорила старушка и перекрестилась. – Знала я, знала, что так будет. Не мог Николай Петрович Викушкиной смерти перенести. Никак не мог. Ох ты ж господи… Проклятие Варлаама и до них добралось. Сколько лет прошло, а нет божьего прощения. Никому нет. И не будет. Вот оно как.

Ксения и ее попутчик смотрели на пожилую женщину во все глаза.

– Тетя Стеша, – наконец сказал сосед, сбежав с крыльца и взяв старушку за руку повыше локтя. – Пойдемте, я вас домой отведу. Вам надо лекарство принять и полежать. А то уж вы заговариваетесь от расстройства. Какое проклятие? Какого Варлаама? Ксения Александровна, вы тут уж сами,

хорошо?

– Хорошо, – кивнула Ксения, уверенная, что действительно сможет теперь доскакать до квартиры и стула в ней на одной ноге. А там и Милка придет. – Спасибо вам за помощь, Андрей Михайлович. А Варлаам – это колокол, который сто лет назад с колокольни местной сбросили. Он знаменитый был, на всю округу звонил. И покрыт был изнутри сусальным золотом.

– Золотом, – передразнила ее тетя Стеша. – Да разве ж в этом дело. Он живой был, Варлаам-то. Живой. И вот уж сто лет мстит своим обидчикам, вот уж, почитай, в четвертом-пятом колене, а все мстит.

– Ладно, тетя Стеша, с колоколом живым или мертвым мы потом разберемся обязательно, – ласково сказал ее сосед. Его голос неуловимо менялся, когда он разговаривал со старушкой. В нем исчезали железные нотки и появлялись мягкие, бархатистые, от которых теплело где-то в груди. – А сейчас пойдемте, я вас домой отведу. Возиться с третьим трупом сегодня в мои планы не входит.

Проводив взглядом их удаляющиеся фигуры, Ксения отперла дверь и вошла в дом. Какое-то время глазам понадобилось, чтобы привыкнуть к темноте коридора, а потом она нащупала выключатель, щелкнула по нему, и, вскрикнув, поднесла руку ко рту. Весь коридор был завален сорванной с вешалки одеждой, ящики комода, стоявшего под зеркалом, вывернуты. Держась за стену и превозмогая боль в ноге, Кси-

ния доковыляла до кухни, где ее взгляду открылась та же картина. Кастрюли, тарелки, вилки, вперемешку с рассыпанной крупой, валялись на полу. Открытая дверца холодильника показывала его сиротливое нутро, потому что все, что в нем хранилось, теперь тоже было выворочено на пол.

С трудом добравшись сначала до своей, а потом до Милкиной комнаты, Ксения смогла убедиться, что и там царил все тот же беспорядок. Кто бы ни был тот человек, который рылся в их с дочерью вещах, и что бы он ни искал, потрудился он на славу. Обыск был проведен с максимальной тщательностью и бесцеремонностью. Внезапная мысль заставила Ксению похолодеть. Забыв о больной ноге, она бросилась к своему рабочему столу и застыла в отчаянии. Ее ноутбук с начатым переводом нового романа исчез.

Обдумывая только что свалившуюся на нее катастрофу, она совсем забыла о том, что надо удерживать правильное равновесие. Проклятая нога, на которую нечаянно перенесли вес тела, снова подвернулась, и Ксения упала на пол, сраженная резкой непереносимой болью. Этого ее истерзанным за сегодня нервам было уже не перенести. Закрыв лицо руками, Ксения свернулась на полу в клубок и отчаянно зарыдала. В таком состоянии ее и застала вернувшаяся с работы Мила.

– Мама, мамочка, что случилось? Тебя кто-то обидел? Ударил? Мама!!!

Дочь бросилась к Ксении, упала рядом на колени, обня-

ла двумя руками, как будто в их тандеме именно она была старшей.

– Нет-нет, – меньше всего на свете Ксения собиралась пугать свою девочку. – Со мной все в порядке. Я просто подвернула ногу, и еще ты видишь, к нам кто-то влез.

– Подвернула ногу? Опять! Мама! Надо ж туго забинтовать. Я сейчас же сбегаю в аптеку.

– Мила, постой, – Ксения потянула готовую вскочить и бежать дочь за руку, заставила сесть обратно, на пол, рядом с собой. – Мне нужно тебе кое-что рассказать.

– Про Вику? Мамочка, я уже знаю. В школе полдня только про это и говорят. Это так ужасно. Но за тебя я все равно переживаю больше. Что тут произошло? Ты точно не пострадала?

– Да точно, точно, – вздохнула Ксения. Ей стало чуть спокойнее, к смерти знакомой девушки Мила отнеслась, как и положено относиться к известию о гибели постороннего человека. – Пока я ходила в гостиницу, а потом в интернат, кто-то влез в дом, все тут перевернул вверх дном и стащил мой ноутбук. Если бы я не бегала по городу, то могло бы быть и хуже.

– Ноутбук? Мама, надо вызвать полицию.

– Надо, – вяло согласилась Ксения, – правда, боюсь, что полиции сейчас не до нас.

– А в какой интернат ты ходила? Зачем?

Пришлось рассказать дочери все, что Ксения знала. И о

Николае Петровиче, и его смерти, и о документах, которые Вика Угловская стащила из гостиницы, о пропаже иконы, о каком-то неведомом «взрослом» любовнике и о странном участии во всех этих делах соседа, с завидным постоянством оказывающегося в тех же местах, что и Ксения.

Выслушав мать, Мила помолчала, задумавшись. О том, что дочь думает, свидетельствовала продольная морщинка на переносице – явный признак серьезной работы мысли. Несмотря на то что ситуация была невеселой, Ксения невольно улыбнулась. Смотреть на серьезную Милу без улыбки было решительно невозможно.

– Любовник у Вики, может быть, и был. Вот только говорить она про него категорически не собиралась. Язык за зубами эта девчушка умела держать хорошо. А вот про школьного друга своего, который в Вычегодск уехал, тараторила без умолку. Вот только сердце он ее совсем не задевал. Понимаешь, мама?

– Понимаю, – согласилась Ксения.

– Ну а во-вторых, во всем, что ты мне рассказала, есть и хорошая новость.

– Да? И какая же?

– В тот момент, когда кто-то обыскивал наш дом в поисках чего-то неведомого, наш сосед был с тобой, а значит, это не мог быть он.

– Мил, ты уделяешь слишком пристальное внимание нашему соседу, – осторожно сказала Ксения. – И он уже начал

это замечать, так что будь аккуратнее, пожалуйста. Он очень непростой человек, это сразу видно, и мне бы не хотелось, чтобы ты, не закончив выбираться из одних неприятностей, тут же вляпалась в другие.

– Мама, ты еще скажи, что он человек не нашего круга, – засмеялась Мила, вскочила на ноги и потянула Ксению за руку. – Вставай. Давай попробуем добраться до дивана, положим под твою ногу подушку, я сбегаю в аптеку, а потом все тут уберу. Если, конечно, ты все-таки не решишь, что нужно вызвать полицию. Тогда тут ничего трогать нельзя.

– Пожалуй, полиции я сегодня уже не переживу. Скорее всего, это местное хулиганье постаралось. Мы же с тобой, Милка, пришлые, чужие. Вот нас и попробовали ограбить. Ноутбук, конечно, жалко, придется новый покупать, но моя привычка самой себе пересылать на почту тексты, причем ежедневно, перевод точно спасла. Так что ничего страшного.

– Как скажешь.

Звонок во входную дверь заставил их обеих вздрогнуть.

– Ты кого-то ждешь? – спросила Ксения у Милы.

– Нет, конечно.

– Тогда давай не будем открывать.

– Но почему? – удивилась Мила. – Может, это тетя Стеша. Мам, мы же не будем шарахаться от собственной тени только потому, что в Малодвинске, оказывается, живут мелкие пакостники.

– В Малодвинске живут убийцы.

– Ты про Вику? Ну, мамочка, к нам это точно не имеет отношения.

– Тетя Стеша сегодня сказала странную вещь, – задумчиво сказала Ксения, – что этой твоей Вике отомстил Варлаам. А я совершенно случайно именно сегодня узнала, что это такой колокол местный был, который целый месяц уничтожали. И было это почти сто лет назад.

Звонок в дверь повторился. Он был более длинный, настойчивый.

– Мам, ты мне потом расскажешь. А сейчас я дверь открою, ладно?

Милка убежала в прихожую, а Ксения, кряхтя и стараясь не ступать на злосчастную ногу, кое-как поднялась с пола и приняла вертикальное положение. Следом за звуком отпирающегося замка и открывающейся двери послышался какой-то неясный возглас дочери, который Ксению, разумеется, встревожил.

– Мила, кто там? – громко спросила она, потянулась, чтобы ухватиться за спинку стула, сделала несколько прыжков на одной ноге по направлению к двери, но добраться до нее не успела.

– Мам, это к тебе, – дочь появилась в дверях, выражение лица у нее было странное. За ней в дверном проеме маячил, господи боже, сосед. Тот самый Андрей Михайлович Погодин, об опасности которого она пять минут назад предупреждала Милу.

– Что-то случилось? – выпалила Ксения, искренне недоумевая о причине его визита.

– Как я понимаю, случилось не у меня, а у вас, – сказал он, одним быстрым взглядом окинув царящий в комнате разгром. – Все целы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.